

В. П. Яйленко

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АРХАИЧЕСКОЙ ПОРЫ
В ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
(«СТЕЛА ОСНОВАТЕЛЕЙ» И «ТАБЛИЦА ПАППАДАКИСА»)

ОТ АРХАИЧЕСКОЙ поры до нас дошли две надписи, связанные с отправлением и приемом колонистов, обе происходящие из Озольской Локриды. В одной из них, так называемой «Таблице Паппадакиса», трактуются вопросы, связанные с приемом эпойков и разделом земли, в другой содержатся установления опунтян своим колонистам, высланным в Навпакт и Халейон. К этим документам примыкает киренская «Стела основателей», относящаяся к IV в., но содержащая текст так называемой «Клятвы основателей», которая восходит к VII в. (все даты — до нашей эры). Нижеследующая работа посвящена исследованию «Стелы основателей» и «Таблицы Паппадакиса» (декрет опунтян рассматривается особо).

I. ОТПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИИ В КИРЕНУ ПО ДАННЫМ
«СТЕЛЫ ОСНОВАТЕЛЕЙ»

1. Текст и перевод надписи

«Стела основателей» была опубликована С. Ферри в 1925 г. в числе других новонайденных киренских надписей¹. Издатель датировал ее IV в., связал с ферской традицией об основании Кирены и сопроводил кратким лексическим комментарием; при этом ряд больших лагун в тексте он оставил незаполненными. Надпись вызвала большой интерес; в 1928 г. вышли сразу три работы, посвященные ее интерпретации. А. Феррабино в противоположность С. Ферри высказал мнение о том, что надпись отражает киренскую традицию². Он связывал составление надписи со стремлением Кирены установить контакты со вторым Афинским морским союзом через входившую в него Феру путем возобновления старых связей со своей метрополией. А. И. Доватур высказался в пользу компромиссного характера надписи и видел в ней попытку примирения киренской и ферской традиций об основании Кирены³. По его мнению, текст клятвы не является аутентичным и заимствован скорее всего из какого-либо ферского исторического труда. Большое значение имела повторная публикация надписи, осуществленная Г. Оливерию, который обследовал подлинник и заполнил все лаку-

¹ S. Ferr i, Alcune iscrizioni di Cirene, Abh. Ak. Berlin, 1925, стр. 19—24.

² А. Феррабино, La stele dei Patti, RF, 56, 1928, стр. 250—254. Ср. С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 41, прим. 1.

³ А. И. Доватур, Киренская клятва основателей, ДАН, 1928, стр. 233—236.

ны в ее тексте ⁴. Свою републикацию Оливерию сопроводил обстоятельным лексико-историческим комментарием.

В дальнейшем изучение надписи шло в направлении уточнения текста «Клятвы основателей» и ее характера. А. Вильхельм, Л. Джеффри и Дж. Оливер предложили свои варианты восстановления текста, частично утраченного в сткк. 29—30 ⁵, а П. Фрэзер вновь обследовал подлинник ⁶. Большое значение имеет вышедшая в 1960 г. обстоятельная работа А. Дж. Грэйзма, в которой были исследованы различные аспекты интерпретации текста надписи ⁷. Путем подробного анализа лексики «Клятвы основателей» автор показал несостоятельность господствовавшего до того времени мнения о ее апокрифическом характере и по сути дела возвратил этот ценный памятник в число исторических источников архаического времени ⁸.

Надпись вырезана на мраморной прямоугольной стеле (ныне находится в музее Кирены). Верхняя и средняя часть лицевой стороны довольно сильно сглажена, так что текст поддается чтению с трудом; в некоторых местах имеются незначительные лакуны. Текст надписи разделен составителями на две части, озаглавленные большими по размерам буквами в сткк. 1 и 23. Первая содержит предложения киренянина Дамида по вопросу о предоставлении гражданских прав группе ферян (сткк. 2—11) и постановление киренян, утверждающее эти предложения (сткк. 11—22). Вторую часть (сткк. 23—51) составляет «Клятва основателей», в соответствии с которой народное собрание приняло ферян в число граждан своего полиса. Необходимо отметить, что выражение *ὄρκια* (*ὄρκιον*) *ποιέσθαι* (в медиальном значении) означает как акт произнесения клятвы, так и скрепленные клятвой обязательства ⁹. Термин *ὄρκιον* исследуемой надписи некоторые ученые переводят как «договор» ¹⁰, что возможно, однако его более точное значение здесь — «клятва». Дело в том, что в надписи различаются *ὄρκος* ферян и *ὄρκιον* основателей Кирены (сткк. 14, 18); когда имеется в виду и то и другое, употребляется множественное число *ὄρκια* (сткк. 9, 40, 47, 49). Колонисты и феряне, кажде со своей стороны, давали друг другу клятву, возможно, не идентичного содержания; ср., с одной стороны: «пусть все феряне, поселяющиеся в Кирене, принесут клятву, которой и остальные (подразумевается, феряне) некогда клялись», где значение «договор» невозможно (сткк. 13—15), и, с другой, — «Написать на стеле и клятву, которую дали основатели, приплывшие в Ливийскую Кирену», где выражение *ὄρκιον* ... *ἐποιήσαντο* определенно означает не «договор», а «клятву», поскольку указывается действие лишь одной из сторон. В связи с этим заголовок второй части надписи перевожу как «Клятва основателей»

⁴ G. O l i v e r i o, *Iscrizioni di Cirene*, 2. La stele dei Patti, RF, 56, 1928, стр. 222—232. Текст Оливерию был воспроизведен в SEG, IX, 1, № 3.

⁵ A. W i l h e l m, *Griechische Inschriften rechtlichen Inhalts*, Athenae, 1951, стр. 5—7; L. J e f f e r y, *The Pact of the First Settlers at Cyrene*, «Historia», 10, 1961, стр. 139—147; J. H. O l i v e r, *Herodotus 4. 154 and SEG, IX, 3. «Greek, Roman and Byzantine Studies»*, 7, 1966, стр. 25—29.

⁶ P. M. F r a s e r, «Berythus», 12, 1956—58, стр. 120 слл. (недоступна). Его чтение было учтено Мейгзом и Льюисом, публикация которых является лучшей из существующих (R. M e i g g s, D. L e w i s, *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, Oxf., 1969, № 5).

⁷ A. J. G r a h a m, *The Authenticity of the ΟΡΚΙΟΝ ΤΩΝ ΟΙΚΙΣΤΗΡΩΝ of Cyrene*, JHS, 80, 1960, стр. 94—111.

⁸ Почти одновременно к такому же выводу пришла в указанной работе и Л. Джеффри. К сожалению, мне недоступна работа Я. Зайберта, стр. 9—67 которой посвящены «Стеле основателей» (J. S e i b e r t, *Metropolis und Apoikie*, Würzburg, 1963).

⁹ См. LSJ, s. v. *ὄρκιον*, II, 1; А. И. Д о в а т у р, Присяга афинских архонтов, «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 118.

¹⁰ Например: G r a h a m, ук. соч., стр. 103—104.

(стк. 23), под чем, естественно, подразумеваются также «клятвенные обязательства».

Нижеследующий текст надписи воспроизводится по сборнику Р. Мейггса и Д. Льюиса¹¹ (за исключением сткк. 29—30), которые основывались на чтениях Г. Оливериио и П. Фрэзера.

θεός. τύχα αγαθά.

- Δάμις Βαθυκλεῦς ἤπερ περὶ ὧν λέγοντι τοὶ Θηραῖοι[ι]
 Κλευδάμας Εὐθυκλεῦς, ὅπως ἂ πόλις ἔρθῶται καὶ ὁ δ[α] —
 5 μος εὐτυχῆι ὁ Κυραναίων, ἀποδόμεν τοῖς Θηραίοις τ —
 ἄμ πολιτήϊαν κατὰ τὰ πάτρια, τὰ οἱ πρόγονοι ἐποίησαν —
 το, οἱ τε Κυράναγ κα[τῶ]ικίξαν Θήραθε καὶ οἱ ἐν Θήραι[μέ] —
 νοντες, καθὼς Ἐπόλλων ἔδωκε Βάττωι καὶ τοῖς Θηρ[αί] —
 οῖς τοῖς κατοικίξασι Κυράναν εὐτυχῆν ἐμμένοντας το[ῖς]
 10 ὄρκιοις, τὰ οἱ πρόγονοι ἐποίησαντο αὐτοὶ ποτ' αὐτός, ὅκα
 τὰν ἀποικίαν ἀπέστειλλον κατὰ τὰν ἐπίταξιν τῷ Ἀπό[λ] —
 λωνος τῷ Ἀρχαγέτα· ἀγαθῶι τύχαι, δεδόχθαι τῶι δάμω[ι],
 καταμειῖναι Θηραίοις ἴσαμ πολιτήϊαν καὶ ἐγ Κυράναι κ[α] —
 τὰ αὐτὰ· ποιῆσθαι δὲ πάντας Θηραίους τὸς ἐπιδημέ[ον] —
 15 τας ἐγ Κυράναι τὸν αὐτὸν ὄρκον ὅμπερ τοῖ ἄλλοι ποτ —
 ἔ διφώκωσαν· καὶ καταστᾶμεν ἐς φυλάν καὶ πάτραν ἐς θε
 ἐννῆα ἑταιρήας. καταγράφεν δὲ τότε τὸ ψάφισμα ἐν στάλ[αν]
 λυγδίναν, θέμεν τᾶμ στάλαν ἐς τὸ ἱερὸν πατρῶιον τῷ
 Ἐπόλλωνος τῷ Πυθίῳ, καταγράφεν καὶ τὸ ὄρκιον ἐς τὰν στάλ[αν],
 20 τὸ οἱ οἰκιστήρες ἐποίησαντο καταπλεύσαντες Λιβυανθε [σὺ] —
 μ Βάττωι Θήραθεγ Κυράνανθε. τὸ κα ἀνάλωμα τὸ δέμη ἐς τ[ὸν λ] —
 ἴον ἢ ἐς τᾶγ καταγραφάν, οἱ ἐπιστάντες ἐπὶ τὸς ἀπολόγος [κο] —
 μισάσθων ἀπὸ τῶν Ἐπόλλωνος προσόδων. vacat
 Ὅρκιον τῶν οἰκιστήρων.
 [ἐ]ῖδοξε τᾶι ἐκκλησίαι· ἐπεὶ Ἐπόλλων αὐτομάτιξεν Β[άτ] —
 25 τωι καὶ Θηραίοις ἀποικίξαι Κυράναν, ὀριστὸν δοκεῖ Θη[ραί] —
 οῖς ἀποπέμπεν ἐς τὰν [Λιβ]ύαν Βάττωμ μὲν ἀρχαγέτα[ν]
 τ[ε] καὶ βασιλῆα, ἑταίρους δὲ τοὺς Θηραίους πλὴν ἐπὶ τᾶι ἴσα[ι κ] —
 αὶ τᾶι ὁμοίαι πλὴν κατὰ τὸν οἶκον, υἱὸν δὲ ἓνα καταλ[έ] —
 γῆσθαι· τὸς δὲ ἐλ[ευθέρους υἱός] καὶ τοὺς ἡβώντας καὶ τῶν [γῶ —
 30 ρ]ων Θηραίων ἐλευθέρους [ἀνδρας] πλὴν· αὶ μὲν δὲ κα κατέχ[ων] —
 τι τὰν οἰκισίαν οἱ ἄποικοι, τῶν οἰκείων τῶγ καταπλέον[τα]
 ὕστερον εἰς Λιβύαν καὶ πολιτήϊας καὶ τιμᾶμ πεδέχ[εν]
 καὶ γὰς τὰς ἀδελφότητω ἀπολαγγάνεν. αὶ δὲ κα μὴ κατ[έχ] —
 35 ν, ἀλλὰ ἀνάγκαι ἀγθῶντι ἔτη ἐπὶ πέντε, ἐκ τὰς γὰς ἀπίμ[εν]
 ἀδιέως Θήρανθε ἐπὶ τὰ αὐτῶγ χρήματα καὶ ἡμεμ πολιάτ —
 ας. ὁ δὲ κα μὴ λῆμι πλὴν ἀποστελλοίσας τὰς πόλιος, θανά[σι] —
 μος τένται καὶ τὰ χρήματα ἔστω αὐτοῦ δαμόσια. ὁ δὲ ἀπ —
 οδεκόμενος ἢ ἀδήϊζων ἢ πατήρ υἱὸν ἢ ἀδελφός ἀδελ —

¹¹ Meiggs, Lewis, *ук. соч.*, № 5.

- 40 φεῖν καίσειται ἄπερ ὁ μὴ λέων πλέν. ἐπὶ τούτοις ὄρκια ἐπ —
οιήσαντο οἱ τε αὐτεῖ μένοντες καὶ οἱ πλέοντες οἰκίξοντες —
ς καὶ ἀράς ἐποιήσαντο τὸς ταῦτα παρβέωντας καὶ μὴ ἐμ —
μένοντας ἢ τῶν ἐλ Λιβύαι οἰκούντων ἢ τῶν αὐτεῖ μεν —
όντων. κηρίνος πλάσσαντες κολοσσος κατέκλειον ἐπα —
- 45 ρώμενοι πάντες συνενθόντες καὶ ἄνδρες καὶ γυναῖκ —
ες καὶ παῖδες καὶ παιδίσκαι τῶν μὴ ἐμμένοντα τούτοις
τοῖς ὄρκιοις ἀλλὰ παρβέωντα καταλείβεσθαι νιν καὶ κα —
ταρρεν ὡσπερ τος κολοσσός, καὶ αὐτὸν καὶ γόνον καὶ χρῆ —
ματα, ταῖς δὲ ἐμμένοισιν τούτοις τοῖς ὄρκιοις καὶ τοῖς
- 50 πλείοσι ἐλ Λιβύαν κ[αί] τ[οῖς] μέ]νοισι ἐν Θήραις ἤμεν πολλ —
ὰ καὶ ἀγαθὰ καὶ αὐ[τοῖς] καὶ γό]νοισι.

Перевод:

«Бог! Счастливая судьба!

Дамид, сын Батуклея, предложил в отношении того, что говорят феряне (и) ¹² Клевдамас, сын Эвтуклея. Чтобы город (наш) возвысился и народ Кирены благоденствовал, предоставить ферянам гражданские права, надлежащие ¹³ им согласно отеческим установлениям, которые выработали (наши) предки, как заселившие Кирену с Феры, так и остававшиеся на Фере, поскольку Аполлон определил Батту и ферянам, заселившим Кирену, благоденствие (на все то время, пока) они сохраняют верность клятвам, которые предки дали друг другу в то время, когда они выслали колонию согласно повелению Аполлона Архагета. Счастливой судьбы! Народ постановил, чтобы феряне и в Кирене остались на таких же самых гражданских правах ¹⁴. Пусть все феряне, поселяющиеся в Кирене, принесут клятву, которой и остальные (феряне) некогда клялись. Распределить их по филам и кланам, а также среди девяти гетерий. Записать это постановление на беломраморной стеле и поставить ее в отечественном святилище Аполлона Пифийского. Написать на стеле и клятву, которую дали основатели, приплывшие в ливийскую Кирену вместе с Баттом с Феры. Деньги, необходимые на (приобретение) камня или составление надписи, пусть финансовые магистраты возьмут из средств (храма) Аполлона».

КЛЯТВА ОСНОВАТЕЛЕЙ

«Народное собрание постановило. Поскольку Аполлон повелел через оракул Батту и ферянам заселить Кирену, феряне вынесли определение Батту отправиться в Ливию в качестве архагета и царя, а ферянам — отплыть в качестве (его) спутников. На равных и одинаковых основаниях отсылать от каждого дома, причем в число (колонистов) брать по одному сыну; при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из ферских округов. Если колонисты прочно обоснуются на новом месте жительства, то пусть сродственники, приплывающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребию — (наделы) из незанятой земли. Если же (коло-

¹² В стк. 2 здесь опущено καί.

¹³ Употребленное здесь ἀποδομεν содержит оттенок того, что феряне как бы просят киренян дать принадлежащие им в силу клятвенных обязательств последних права гражданства; поэтому перевожу «предоставить... надлежащие».

¹⁴ Ф. Ш а м у (F. S h a m o u x, Cyrène sous la monarchie des Battiades, P., 1953, стр. 105, сткк. 12—13) дает чтение κ[α]τὰ τὰ αὐτά. Смысл этой фразы заключается в том, что феряне получают в Кирене такие же гражданские права, какие они имели на Фере.

нысты) не утвердятся на новом месте и феряне не смогут им помочь, то пусть в силу необходимости они переносят тяготы в течение пяти лет, (после чего могут) вернуться из той страны без страха на Феру к своему достоянию и состоять полноправными гражданами. Если кто-нибудь, предназначенный городом к отправлению, не захочет отплыть, то пусть он будет предан смерти, а имущество его конфисковано в пользу государства. Укрывающий или не выдающий, пусть то будет отец сына или брат брата, понесет то же наказание, что и не желающий отплыть. На таких условиях остающиеся на Фере и отплывающие колонисты принесли клятвы и призвали погибель на нарушающих оные и не сохраняющих им верность как из тех, кто переселяется в Ливию, так и из числа остающихся на Фере. Сделав восковые изображения, сожгли их, призывая проклятия, все сошедшиеся — и мужчины, и женщины, и дети, и отроковицы¹⁵. Пусть, словно эти изображения, распадётся и пропадет тот, кто не сохраняет верность этим клятвам, — и он сам, и потомки, и достояние; сохраняющим же верность этим клятвам — как отплывающим в Ливию, так и остающимся на Фере — пребывать в благе и довольстве им самим и их потомкам».

Как уже указывалось, первый издатель Ферри, пользовавшийся консультациями Ю. Белоха, У. Виламовица и других исследователей, опубликовал текст с большими лакунами. После него тщательное обследование подлинника провел Оливеро, который видел следы многих букв, впоследствии почти или совсем исчезнувшие. Он заполнил все лакуны текста, и его чтение легло в основу последующих изданий надписи¹⁶. Фрэзер, в последнее время обследовавший оригинал, пересмотрел чтение Оливеро в некоторых строках. Подчеркнутые в приведенном выше тексте слова и буквы, которые Оливеро еще мог различить, Фрэзер уже не видел, однако он справедливо отметил, что предложенное Оливеро чтение этих мест стоит рангом выше, нежели простые дополнения, поскольку тщательность и добросовестность его обследования не вызывают сомнений (излагаю по комментарию Мейтгза — Льюиса, стр. 6—7). Таким образом, текст надписи может считаться довольно надежным, хотя полной уверенности в подлинности подчеркнутого текста, видимо, быть не может.

Наиболее спорным является вопрос о восстановлении лакун в сткк. 29—30. Исследователями были предложены различные дополнения¹⁷. Однако ни одно из них не может обладать достоверностью по причине несоответствия буквам, различенным Фрэзером в стк. 29: $\kappa\alpha\tau\lambda[\acute{\epsilon}]\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ ΤΟΣΔΕΕΛΟ ^{ca. 10} $\kappa\alpha\iota$ τὸς ἡβῶντας¹⁸. Основываясь на чтении Фрэзера, предлагаю следующее восстановление сткк. 29—30 и интерпункцию всей фразы: $\epsilon\pi\acute{\iota}$ τῆι ἴσα[ι] $\kappa\alpha\iota$ τῆι ομοίᾳ πλὴν κατὰ τὸν οἶκον, οἶόν δὲ ἓνα $\kappa\alpha\tau\lambda[\acute{\epsilon}]\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ τὸς δὲ ἐλ[ευθέρους οἴος] $\kappa\alpha\iota$ τὸς ἡβῶντας $\kappa\alpha\iota$ τῶν [χῶρ]ων Θηραίων ἐλευθέρους [ἀνδρας] πλὴν, «На равных и одинаковых основаниях отплывать от каждого дома, причём в число (колонистов) брать по одному сыну; при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из ферских округов». Предлагаемое восстановление может быть аргументировано очевидной смысловой связью слов οἶόν и ἡβῶντας в сткк. 28—29. К τος

¹⁵ Присутствие ферян всех возрастов при совершении клятв олицетворяет обязательность последних для всех поколений. Волхование при помощи восковых фигурок, восходящее к первобытной магии, дожило вплоть до средневековья, ср. «Александрия», М. — Л., 1965, стр. 8.

¹⁶ SEG, IX, 1, № 3; C h a m o u x, ук. соч., стр. 105—106; G r a h a m, ук. соч., стр. 94—95 и др.

¹⁷ O l i v e r i o, ук. соч., стр. 224—225; F e r r i, ук. соч., стр. 250; A. S e g r e, SEG, IX, 1, стр. 6; Wilhelm, ук. соч., стр. 5; Jeffery, ук. соч., стр. 140; O l i v e r, ук. соч., стр. 27. Большинство исследователей подлинника не видело.

¹⁸ Его приняли Мейтгз и Льюис.

ἐλευθέρως ср. стк. 30, где словом ἐλευθέρως акцентируется свободное состояние прочих ферян, отправлявшихся в колонию. К выражению τὸς ἐλευθέρως υἱός, указывающему на обязательность свободного состояния юношей, ср. встречающуюся в сакральных надписях формулу τὸς ἐλευθέρως παῖδας, в том числе и в одном из киренских декретов¹⁹.

Восстановление τῶν [χῶρ]ων Θηραίων ἐλευθέρως [ἀνδρας] πλὴν основано на тексте Геродота: феряне постановили послать в колонию по одному из братьев от города и мужей из семи округов острова: καὶ ἀπὸ τῶν χῶρων... ἐπτά ἐόντων ἀνδρας (IV, 153, полный текст см. ниже, на стр. 49)²⁰.

2. Характер документа

«Клятва основателей» в текстуальном отношении является чрезвычайно сложным и многослойным памятником²¹. Ввиду этого прежде всего необходимо выяснить характер, т. е. происхождение, формирование и историческую достоверность этого документа.

Как явствует из декрета (сткк. 18—20, ср. 5—7), клятва была дана основателями Кирены, которым их сограждане, оставшиеся на Фере, также принесли клятву со своей стороны. Таким образом, составители надписи претендовали на то, что записанная ими на стеле клятва восходит ко времени отправления колонии с Феры²². Однако язык «Клятвы основателей» целиком не может соответствовать памятнику VII в., поскольку в ней содержатся отдельные элементы, определенно свойственные лишь документам IV—III вв.: ἔδοξε τῇ ἐκκλησίᾳ (стк. 24)²³, ὀριστὸν δοκεῖ Θηραίοις (сткк. 25—26)²⁴ и, вероятно, θηραϊσμός²⁵. Таким образом, основная задача текстуальной критики надписи заключается в выявлении характера того источника, который киреняне IV в. использовали для записи на стеле «Клятвы основателей». Очевидно, что, фиксируя этот источник, они частично переиначили его текст применительно к языку своего времени, сохранив, однако, не только смысл, но и лексику и фразеологию прототипа.

Мнения исследователей по вопросу о характере «Клятвы основателей» в целом группируются в двух направлениях. В течение многих лет господствовало мнение об апокрифическом характере этой надписи, т. е. сфабрикованной в качестве основания для предоставления ферянам прав киренского гражданства²⁶. В 1960 г. эта точка зрения была подвергнута сомне-

¹⁹ SEG, IX, 1, № 4. 16—17. конец I в. до н. э. Важно установить, соответствуют ли в восстанавливаемом слове ἐλ[ευθέρως] остатки буквы после лямбды восстанавливаемому эпислону (где Фрэйзер видел следы омикрона). А. Дж. Вудхэд в письме к автору от 19.VI.1972 г. сообщил, что Фрэйзер видел на этом месте остатки какой-то круглой буквы; сам Вудхэд полагает, что, может быть, следует читать в данном месте τὸς ἦ ἐλ[ε]υθέρως υἱός] κτλ? Словом, чтение стк. 29 неясно, и вплоть до осмотра подлинника ставлю вопрос о восстановлении этой строки в порядке предположения.

²⁰ Оливерно восстанавливал лакуну не здесь, а в стк. 29 в соответствии с этим указанием Геродота о наборе колонистов из числа жителей ферских округов (ук. соч., стр. 224 сл.).

²¹ Предметом дальнейшего исследования является вторая часть надписи, т. е. «Клятва основателей».

²² Это событие имело место около 631 г.; С h a m o u x, ук. соч., стр. 121 слл.

²³ Экклесия засвидетельствована на Фере в IV в. (IG, XII, 3, № 1289. 10). Вводные формулы как первой, так и второй частей стелы синхронны и характерны для документов IV—III вв. (например, IG, IV, № 917. Ch. M i c h e l, Recueil d'inscriptions grecques, Bruxelles, № 21, 441, 442; Supplementum, Bruxelles, 1912, № 1453, 1457 и др.).

²⁴ G r a h a m, ук. соч., стр. 107—108.

²⁵ Встречается еще один раз в «Диаграмме Птолемея» из Кирены, последняя четверть IV в., SEG, IX, 1, № 1. 53.

²⁶ G r a h a m, ук. соч., стр. 95.

нию: Грэйэм²⁷ и мисс Джеффри²⁸ почти одновременно и независимо друг от друга пришли к выводу о том, что «Клятва основателей» в отдельных своих частях аутентична действительно существовавшему документу времени отправления колонии в Кирену. Оба исследователя высказали мысль о том, что клятва — это подлинный документ, переоформленный в редакции IV в. Мысль об аутентичности памятника поддержали также Мейггз и Льюис, по мнению которых клятва является отражением ферской традиции об основании Кирены, причем внутри этой традиции подлинный архаический документ подвергся долгой и сложной модуляции²⁹.

Решение вопроса о характере «Клятвы основателей», на мой взгляд, может быть достигнуто прежде всего путем сопоставления ее текста с рассказом Геродота об основании Кирены. Геродот излагает две версии — ферскую (IV, 150—53) и киренскую (IV, 154—56), причем последняя отличается лишь следующими моментами: 1) Батт не просто происходит из знатного рода, как утверждает ферская версия, а через свою мать восходит к царскому роду³⁰; 2) Пифия повелевает самому Батту, а не Гринну, отправиться в колонию в Ливию³¹; 3) сохранен опущенный ферянами нелепый для них рассказ о том, как они прогнали своих сограждан, пытавшихся вернуться на родину после безуспешных попыток основать колонию (аналогичный случай произошел и с эритрейцами, основателями Потидеи; *Plut., Mor.* 293B).

Далее, в главах 157—158, следует общий обоим версиям рассказ.

Если сопоставить изложение Геродота с текстом клятвы, то обнаруживается интересное сходство, сопровождающееся лексико-фразеологическими совпадениями и соответствиями³². Геродот: *Ἡθραίοισι δὲ ἕαδε ἀδελφῶν τὲ ἀπ' ἀδελφῶν*³³ *πέμπειν πάλφ λαχόντα καὶ ἀπὸ τῶν χώρων ἀπάντων ἑπτὰ ἑόντων ἀνδρας, εἶναι δὲ σφῶν καὶ ἡγεμόνα καὶ βασιλέα Βάττον* (IV, 153)³⁴. — Клятва: *ὄριστον δοκεῖ Ἡθραίοις ἀποπέμπειν ἐς τὴν Λιβύαν Βάττον μὲν ἀρχαγέταν τε καὶ βασιλῆα... πλὴν κατὰ τὸν οἶκον, υἱὸν δὲ ἕνα καταλέγεσθαι... καὶ τῶν... Ἡθραίων ἐλευθέρους... πλὴν* (сткк. 25—30).

Как видно, помимо аналогичного содержания в обоих пассажах имеются общие лексические и фразеологические соответствия:

1. Свойственный эпиграфическим документам прескрипт: *Ἡθραίοισι δὲ ἕαδε... πέμπειν* — *ὄριστον δοκεῖ Ἡθραίοις ἀποπέμπειν*

2. Батт назначается предводителем и царем переселенцев: *ἡγεμόνα καὶ βασιλέα Βάττον* — *Βάττον μὲν ἀρχαγέταν τε καὶ βασιλῆα*.

3. Согласно рукописному тексту Геродота, в число колонистов должен уходить каждый из двух братьев, согласно же клятве — от каждой семьи в колонисты должен быть записан один сын. Конъектура Леграна хорошо согласует текст Геродота с эпиграфическим документом. (Между прочим, к выражению *ἀδελφῶν τὲ ἀπ' ἀδελφῶν* у Геродота ср. *ἀδελφός ἀδελφόν* клятвы, сткк. 39—40).

4. Помимо рекрутируемой молодежи из полиса в колонисты могут пойти также добровольцы из остальных ферян.

²⁷ Там же, стр. 95 слл.

²⁸ Jeffery, ук. соч., стр. 141 слл.

²⁹ Meiggs, Lewis, ук. соч., стр. 9. Мейггз констатировал эту мысль еще в 1952 г. (в примечаниях к книге J. В. Вугу, *History of Greece*, L., 1952, стр. 861—862).

³⁰ Эта генеалогия, разумеется, продиктована патриотической амбицией.

³¹ Этот момент отражен и в надписи, сткк. 24—25.

³² Хотя надпись содержит близкие параллели к рассказу Геродота, она очевидным образом не обнаруживает никаких признаков зависимости от него, см. Meiggs, Lewis, ук. соч., стр. 8; Grahame, ук. соч., стр. 101—102.

³³ *ἀδελφῶν* — конъектура Леграна (вместо рукописного *ἀδελφῶν*).

³⁴ «Феряне постановили отправить (в качестве колонистов) по одному из братьев, на которого падет жребий, а также мужей из всех семи округов, причем предводителем и царем быть у них Батту».

Приведенные параллели очевидным образом свидетельствуют о том, что оба пассажа могли быть заимствованы Геродотом и составителями киренской надписи из общего источника. Как известно, Геродот многократно пользовался эпиграфическими документами, иногда приводя в несколько модифицированном виде выдержки из них³⁵. К числу последних принадлежит также вышеприведенный пассаж, начинающийся с известного архаиче-ского прескрипта *Θηραίοισι δὲ ἕαδε*, ср. закон второй половины VII в. из Дрероса: *ἄδ' ἕφαδε πόλι*³⁶. Следовательно, пассажи из Геродота и «Клятвы основателей» могут восходить к подлинному документу, составленному ферянами в связи с отправлением колонии в Ливию. К этому же документу следует отнести и сткк. 37—40, в которых трактуются вопросы наказания лиц, нарушающих содержащиеся в сткк. 25—30 предписания.

К числу параллельных мест в рассказе Геродота и «Клятвы основателей» относятся также следующие пассажи. Геродот: *χρωμένω δὲ τῷ Γρίνῳ ... περὶ ἄλλων χρεῶν ἢ Πυθίῃ κτίσειν ἐν Λιβύῃ πόλιν* (IV, 150, 3). — Клятва: *Ἀπόλλων χρομάτιξεν Βάττω καὶ Θηραίοις ἀποικίξαι Κυράνα* (сткк. 24—25). Структура и содержание этих фраз очевидным образом восходят к общему источнику. Краткое и емкое *Ἀπόλλων αὐτομάτιξεν* первоисточника, выражающее внезапность прорицания до вопроса или не в связи с ним, Геродот передает пространным *χρωμένω δὲ ... περὶ ἄλλων χρεῶν ἢ Πυθίῃ*, имеющим тот же смысл внезапности, несвязанности с вопросом³⁷. Остальные корреспонденции: *κτίσειν ἐν Λιβύῃ πόλιν — ἀποικίξαι Κυράνα*. *Θηραίοις* договора соответствуют *ἄλλοι τῶν πολιητέων* предыдущей фразы Геродота. Можно восстановить примерную структуру предложения первоисточника: Аполлон (Пифия) — внезапно прорицает — Гринну — и свите — заселить Ливию. Аналогична структура фразы из киренской версии: *ἡ δὲ Πυθίῃ σφι* (ферянам) *ἔχρησε συγκτίξουσι Βάττω Κυρήνην τῆς Λιβύης* (IV, 156, 2).

Отмеченные соответствия между рассказом Геродота об основании Кирены и «Клятвой основателей», как мне представляется, определенно указывают на то, что в основе обоих памятников лежал один общий источник нарративного характера, в который был включен (в какой-то степени, вероятно, уже модифицированный) архаический декрет ферян об отправлении колонии в Ливию (Herod., IV, 153, клятва, сткк. 25—30, 37—40). На нарративный характер этого источника прямо указывает наличие в клятве несвойственной эпиграфическому документу повествовательной части (сткк. 40—46), отличающейся по стилю от остального текста (который зависит от прескрипта *ἔδοξε τῷ ἐκκλησίαι*). Очевидно, что этот фрагмент является вставкой, заимствованной из нарративного источника, которым могло быть ферское предание об основании Кирены — ктисис³⁸. Поскольку этим источником пользовался Геродот, можно заключить, что он был составлен не позже середины V в. С другой стороны, упоминание в клятве

³⁵ См. G r a h a m, ук. соч., стр. 110 (где указана соответствующая литература).

³⁶ M e i g g s, L e w i s, № 2. 1—2. Конструкция *ἕαδε* с зависимым от него *dat. pers.* свойственна эпиграфическим памятникам самого различного времени. Параллель с законом из Дрероса указывает, таким образом, лишь на возможность наличия этой формулы в архаическом декрете ферян. У Геродота эта конструкция встречается еще четыре раза (I, 151, 3; IV, 145, 5; 201, 2; VI, 106, 3). На мой взгляд, в указанных пассажах следует видеть следы зависимости текста Геродота от использованных им декретов (за исключением, видимо, IV, 145, 4—5, о чем см. ниже, стр. 51—52); ср. G r a h a m, ук. соч., стр. 110.

³⁷ Этот же оттенок несвязности с вопросом присутствует и в киренской версии (оракул Батту, IV, 155, 3). Поскольку надпись составлялась в Кирене, естественно, что Гринн первоисточника в соответствии с местной версией заменен Баттом.

³⁸ Геродот излагает ряд аналогичных местных преданий об основании, в том числе самой Феры, IV, 147—149. По мнению Шаму, впрочем, высказанному им вскользь, общим источником для Геродота и составителей «Клятвы основателей» послужила ферская хроника (ук. соч., стр. 111).

Кирены (стк. 25) может указывать на то, что этот первоисточник был составлен после основания Кирены, когда это название стало известным греческому миру. Однако в рассказе Геродота об основании Кирены повсеместно употребляется название «Ливия», т. е. Кирена могла и не упоминаться в первоисточнике. Тем не менее, содержащееся в нарративной вставке выражение τῶν ἐλ Λιβύαι οἰκούντων определенно свидетельствует о том, что этот повествовательный источник был составлен после основания Кирены: феяне VII в. не могли употребить это выражение, поскольку еще не было ясно, утвердятся ли колонисты в Ливии. Кроме того упоминание как в рассказе Геродота, так и в клятве имени царя Батта явственно указывает на то, что первоисточник был составлен после основания Кирены, т. е. в VI или первой половине V в.³⁹ Сам Геродот знал, что настоящее имя царя было другим (IV, 155, 1—2), в то время как в обоих переданных им версиях (resp. первоисточнике) царь и вождь колонистов именуется Баттом⁴⁰. Следовательно, сткк. 24—25 (εἰπὲι . . . Κυράναν) клятвы отражают нарративный источник⁴¹, из которого, на мой взгляд, был заимствован также текст сткк. 30—37 (αἰ . . . πολιάτας). На это может указывать содержащийся в этих строках фразеологический оборот, характерный для источников V—IV вв.: καὶ πολιτίας καὶ τιμῶν πεδέχεν καὶ γὰρ τὰς ἀδελπίσιν ἀπολαγάνεν (сткк. 32—33). Ср. аналогичный оборот у Геродота (IV, 145, 4): минии хотят поселиться у лакедемонян, μοιρὰν τε τιμῶν μετέχοντες (= эолийско-дорийскому πεδέχοντες) καὶ τῆς γῆς ἀπολαγοντες.

Вопрос об аутентичности этого оборота (и следовательно, сткк. 30—37 в целом) ферскому декрету VII в. чрезвычайно сложен. В пользу его положительного решения как будто свидетельствует тот факт, что указанный пассаж из труда Геродота (IV, 145, 4—5) может быть определен в качестве реликта древнего устного договора — ретры — минийцев и спартанцев, восходящего к началу I тыс. до н. э. Если это так, то указанный оборот мог быть присущ памятникам архаической эпохи. Кроме того, предусматриваемая в сткк. 33—37 возможность возвращения колонистов на родину имеет аналогию в соответствующих предписаниях позднеархаического декрета опунтян об эпойках в Навиакте (сткк. 6—10). Однако приведенные аргументы довольно спорны. Во-первых, определение двух небольших фраз указанного пассажа как реликтовых остатков предполагаемой древней ретры само по себе проблематично. Ни Фои Скала, ни Бенгтсон, ни Грэйем не включили этот пассаж в число договоров, содержащихся в тексте Геродота⁴². Во-вторых, передавая отрывок из этой ретры, а точнее, из ферской ктисис-саги (главы 147—149), Геродот мог пользоваться фразеологией своего времени. И, в-третьих, отдельные элементы данного фразеологического оборота вряд ли восходят к памятникам архаической поры⁴³.

³⁹ Первоначальное имя царя было Агистстель, которого уже в Кирене прозвали Баттом, что по-ливийски означало «царь» (H e r o d., IV, 155, 2). Сведения автичных авторов об этом собраны Шаму (ук. соч., стр. 97). В одной из киренских надписей позднего времени упоминается «гислангий с Феги Батт Агистстель» (O l i v e r i o, ук. соч., стр. 231). По мнению Покорны, термин battos — это средиземноморский субстратный реликт, родственный груз. baton «господин», балканскому названию пастухов batš. Производными от этой основы автиспонимами могут быть также имя паннонского царя Bato и троянское женское имя Βαττία (J. P o k o r n y, Mitt. der antrop. Gesell. in Wien, Sitzungsberichte, 47, 1917, стр. 43).

⁴⁰ Таким образом, упоминание имени Батт в подлинном документе времени основания колонии (H e r o d., IV, 153, клятва, стк. 26)—позднейшая вставка.

⁴¹ О неаутентичности этих строк подлинному документу VII в. см. также Н. P a r k e, A Note on ἀδελπίσιν in Connection with Prophesy, JHS, 82, 1962, стр. 146.

⁴² R. V o n S c a l a, Die Staatsverträge des Altertums, Lpz, 1898; Die Verträge der griechisch-römischen Welt, hrsg. von H. Bengtson, München, 1962; G r a h a m, ук. соч., стр. 110.

⁴³ См. LSJ, s. vv. ἀπολαγάνω, ἀδελπίσιν. Эти слова, отсутствующие в гомеровских поэмах и архаической лирике, зафиксированы лишь в источниках V и последующих

Приведенные данные, как мне представляется, обнаруживают неаутентичность сткк. 30—37 подлинному документу VII в., откуда следует, что клятвенное обязательство предоставлять полные гражданские права «прибывающим впоследствии сродственникам» было сфабриковано ферянами VI—V вв. в связи с увеличением их интересов к своей богатой падчерице — Кирене⁴⁴. Массовое предоставление полных гражданских прав жителям метрополии несвойственно эллинской колонизационной практике, согласно которой лица, прибывшие после основания города, получали неполные гражданские права и меньшие земельные наделы⁴⁵. Учитывая это обстоятельство, на мой взгляд в VI или первой половине V в. феряне и ввели в «Клятву основателей» пункт, предусматривающий получение ими в случае переселения в Кирену одинаковых с колонистами и их потомками гражданских прав: «пусть сродственники, приплывающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребию — (наделы) из незанятой земли» (сткк. 31—33). С другой стороны, поскольку в киренском предании прочно сохранился нелицеприятный для ферян эпизод о том, как их предки прогнали попытавшихся было вернуться домой, на Феру, утомленных странствиями колонистов, не сумевших основать город (Herod., IV, 156, 2—3), в целях реабилитации перед киренянами в текст клятвы был введен пункт о возможном возвращении колонистов на родину по прошествии пяти лет (сткк. 33—37, ср. 4—11 и прим. 14).

Сомнительны в отношении аутентичности документу VII в. также сткк. 46—51, поскольку они продолжают по смыслу предыдущую нарративную вставку (сткк. 40—46). Так как термин *οἰκιστῶν* содержится именно в этой вставке и ее продолжении (сткк. 40, 47, 49), наличие его в тексте подлинного документа VII в. в свете изложенного выше представляется довольно проблематичным. Принесение клятвы колонистами и их соотечественниками засвидетельствовано локридским декретом об эпойках, отправленных в Навпакт (первая четверть V в.). Однако в отличие от

веков (ср., впрочем, LSI, Supplementum, s. v. *ἰδέσπωτος*). Любопытно сопоставление статей о возвращении колонистов, содержащихся как в «Клятве основателей», так и в декрете оупитян о навпактских эпойках, гласящем следующее: «Если гипокнемидские локры будут силой (πῶτ' ἀναγκᾶς) изгнаны из Навпакта, то им дозволяется вернуться обратно на прежнее место жительства без (внесения) пошлин» (M i g g s, L e w i s, № 20. 6—10). В «Клятве основателей» присутствует та же ἀναγκᾶς, что и в декрете локров, однако роль ее прямо противоположна: локридских эпойков она может вернуть домой, ферских же колонистов она заставляет в течение пяти лет пребывать вдали от родины. Эту нелогичность клятвы, видимо, следует отнести на счет инициации ферян.

⁴⁴ Этот вывод может быть подтвержден отсутствием каких-либо связей между Ферой и Киреной в течение долгого времени, после отправления колонистов. С другой стороны, ср. вымышленный декрет критской колонии об отправлении колонистов в Магнезию, составленный магнатами около 200 г. в силу их заинтересованности в связях с критскими городами (O. K e r n, Die Inschriften von Magnesia am Mæander, В., 1900, № 20).

⁴⁵ Это явление имело место на самой Фере, а также в других городах: A r i s t., Pol. IV, 3, 8—1290 b 11 слл.; Syll. ³ № 141. 9—10, Черная Керкира. IV в. См. об этом В. Я и л е н к о, К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами, ВДИ, 1971, № 2, стр. 20—23. Ср. также A r i s t., Pol. V, 2, 10, 11—1303 a 25 слл. (вставка, отмеченная Иммишем скобками, поясняет, что причиной раздоров между потомственными жителями городов и вновь прибывающими колонистами была борьба последних за полные гражданские права). Ср. также IG, IV, № 917, IV в.: эпидаврийцы предоставляют своим колонистам и эвергетам астипалеям лишь свободу от пошлин и неприкосновенность, но не гражданские права. Только в эллинистическое время некоторые метрополии эпизодически предоставляли отдельным жителям своих колоний гражданские права, т. е. в том числе и земельный участок, IG, IX, fasc. 1, № 173, Этолия, середина III в.

киренской надписи эта клятва содержала лишь один пункт, а именно обязательство колонистов не отпадать добровольно от метрополии (§ 1), причем это условие имело силу в течение 30 лет, после чего с согласия обеих сторон клятву можно было возобновить. На основании этой аналогии можно заключить, что если основатели Кирены и принесли клятву ферянам, то в ней вряд ли содержались пункты о предоставлении полных гражданских прав прибывающим в последующее время ферянам, о необходимости пятилетнего пребывания колонистов на чужбине и т. д.

Проведенный текстуальный анализ «Клятвы основателей» показывает, что этот памятник состоит из двух разных по времени и характеру пластов ⁴⁶. Основной пласт отражает нарративный источник — сложенное в VI — первой половине V в. ферское предание об основании Кирены (сткк. 24—25: ἐπεὶ . . . δοχεῖ, 30—37: αἱ . . . πολιῖτας, 40—51: ἐπὶ . . . γονοίς). В основе этого предания лежал подлинный документ VII в. — декрет ферян об отправлении колонии в Ливию, который на протяжении VI—V вв. оброс вставками апокрифического характера, в числе которых основное место занимало обязательство предоставлять «прибывающим впоследствии» ферянам полные гражданские права. Сформированному таким образом документу был придан облик «Клятвы основателей», связывавшей киренян определенными обязательствами по отношению к своей малоимущей метрополии.

Другой пласт составляет текст подлинного декрета ферян, принятого около 631 г. в связи с отправлением колонии в Ливию (сткк. 25—30; Θηραίοις . . . πλὴν, 37—40: ὁ . . . πλὴν). Данные текстуального анализа, на мой взгляд, позволяют представить текст этого подлинного декрета в следующем, отвлеченном от диалектных особенностей VII в., реконструированном виде:

Θηραίοις δὲ ἕαδε ⁴⁷ ἀποπέμψεν ἐς τὰν Λιβύαν Ἀριστοτέλη ⁴⁸ μὲν ἀρχαγέταν τε καὶ βασιλῆα, ἑταίρους δὲ τοὺς Θηραίους πλὴν ἐπὶ τῶν ἰσοί κ' ἰ τῶν μοίαι (?) ⁴⁹ πλὴν κατὰ τὸν οἶκον, υἱὸν δὲ ἓνα καταλέγεσθαι τὸς δὲ ἐλευθέρους (?) υἱὸς καὶ τοὺς ἡβώντας καὶ τῶν χώρων (?) Θηραίων ἐλευθέρους ἀνδρας πλὴν. ὁ δὲ κα μὴ λῆν πλὴν ἀποστελλοίσας τὰς πόλιος, θανάσιμος τένται καὶ τὰ γράμματα ἔστω αὐτοῦ δαμόσια. ὁ δὲ ἀποδεικνύμενος ἢ ἀδύζων ἢ πατὴρ υἱὸν ἢ ἀδελφεὸς ἀδελφεὸν παισεῖται ἄπερ ὁ μὴ λῆων πλὴν.

3. Причины и обстоятельства отправления колонии (по данным ферского декрета VII в.)

Согласно ферской традиции, причиной выведения колонии послужила семилетняя засуха (Herod., IV, 151, 1), повлекшая за собой голод. С этим обстоятельством ферской версии перекликается рассказ Тимея об основании Регия халкидянами, которые, «как передают, из-за недорода по повелению оракула посвятили каждого десятого человека из своей среды Аполлону, а впоследствии переселились сюда из Дельф, захватив с собой с родины также других сограждан» ⁵⁰. Таким образом, в традиции об основании Регия и Кирены имеются следующие общие моменты: одинаковая причина — недород, голод; определенная часть населения обрекается на выселение; эта акция совершается по повелению оракула; к числу определенных на выселение присоединялись лица, добровольно пожелавшие уйти в ко-

⁴⁶ Прескрипты в сткк. 24, 25 были введены составлявшими надпись киренянами и ферянами, очевидно, по типу современных им постановлений народного собрания Феры (см. прим. 23).

⁴⁷ Форма прескрипта сохранена Геродотом (IV, 153).

⁴⁸ См. прим. 39.

⁴⁹ По поводу этой формулы см. ниже, стр. 57.

⁵⁰ S t r a b o. VI, 257 (пер. Г. Стратановского). По поводу приваждскости этого отрывка Тимею см. S t r a b o. VI, 260. Об этом же эпизоде сообщает Аристотель (Фр 611, 55, Rose). Ср. также Herod., I, 94—veg sacrum у лидийцев.

лонию. Следовательно, ферская версия — это исторически реальный тип предания об основании, входящий в более широкую группу саг о «священной весне». Статья декрета фэри VII в. о выделении в колонисты по одному возмужалому сыну от каждой семьи (сткк. 28—29) отражает одну из характерных черт этого архаического обычая (см. о нем W. Eisenhut, *Ver sacrum*, RE, Bd. VIII, A1 (1955), стб. 911 слл.).

Вместе с тем, существовала традиция, согласно которой причиной выведения колонии была политическая борьба на Фере. У схолиаста к Пиндару (Pyth. IV, 10a) сохранился отрывок из Ливийских историй киренинина Менекла (II в. до н. э.) Схолиаст отмечает: «Действительно, то, что Менекл говорит о гражданских раздорах как о причине (обращения Батта к оракулу), кажется в высшей степени правдоподобным, а то, что (говорят) о недостатках речи — весьма баснословным. (Менекл) сообщает же, что граждане Феры впали в междоусобные раздоры и разделились на две партии, вождем одной из которых был Батт. Вследствие происшедшей борьбы группировок сторонникам Батта пришлось оставить город и бежать из страны; не имея надежды вернуться на родину, они стали совещаться по поводу (отправления) колонии. Отбыв в Дельфы, Батт стал спрашивать о раздорах: бороться ли им (за возвращение на родину) или в какое-либо другое место выслать колонию»⁵¹. Далее следует оракул Пифии, советовавшей Батту оставить Феру и основать город на материке.

Традиции о колонистах Феры как о политических изгнанниках, однако, определенно противоречит статья декрета о наборе колонистов от всех ферских семей (сткк. 28—29), т. е. очевидно, что контингент переселенцев формировался вне зависимости от принадлежности к какой-либо политической группировке. Если на Фере около 631 г. и происходили какие-то раздоры, то, как явствует из данного предписания, они закончились не изгнанием одной из группировок, а всеобщим принудительным набором колонистов. Сообщение Менекла о стасисе на Фере, приведшем к отправлению колонии в Кирену, обязано, вероятно, не столько древней киренской традиции, сколько свойственным эллинистической историографии «модернизаторским» тенденциям.

История социально-политического развития архаической Феры освещена в источниках чрезвычайно слабо. Из сообщения Аристотеля нам известно, что на этом острове «меньшинство свободных властвовало над большинством несвободных», поскольку «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляют незначительную часть всего населения»⁵². Такое состояние общества архаической Феры само по себе было чревато потенциальной возможностью возникновения гражданских междоусобиц; видимо, отправление колонии в Кирену сопровождалось какими-то раздорами, которые нашли отражение в киренской ктисис-саге и которые в передаче Менекла трансформировались в междоусобную борьбу двух политических партий. Однако о характере этих раздоров, если только они имели место, можно строить лишь предположения; не исключено, что они могли быть связаны с набором колонистов. Геродот утверждает, что набор колонистов производился при помощи жребия (IV, 153), в то время

⁵¹ Менеклес, fr. 6, Jacoby, FGH, III A, 270 (Leiden, 1940, стр. 83). Текст последней фразы испорчен; «за возвращение на родину» добавляю по смыслу предыдущей фразы. Ср. А. В. Драхманн, *Scholia vetera in Pindari carmina*, т. 2, Лpz, 1910, ad l. c., 7.

⁵² Это сообщение Аристотеля (Pol. IV, 3,8—1290 b 11 слл.) относится не только к современному ему ферскому строю, но и к более ранним временам, ибо сохранение власти потомственной аристократией предполагает ее господство в предшествующие времена.

как декрет ферян предоставляет на усмотрение каждого отдельного дома решение вопроса о том, какому именно из сыновей отправляться в колонию (сткк. 28—29).

Как бы ни решать этот вопрос, данные декрета ферян о наборе колонистов из числа всех семей определенно свидетельствуют против версии Менекла: колонизация Кирены была вызвана не гражданскими междоусобицами, а голодом, постигшим небольшой остров.

Колонизация Кирены, безусловно, носила аграрный характер. Ферские колонисты, поселившиеся сначала на острове Платее (совр. Бомба), через некоторое время перешли на материк⁵³. Однако выбранная ими местность, видимо, не отличалась плодородием, и еще через шесть лет колонисты продвинулись к западу вдоль побережья, где и основали город Кирену. Слова ливийцев, приведших их: «Здесь, эллины, вам надлежит поселиться, ибо небо тут отверсто» — являются метафорическим указанием на обилие дождей в этой местности⁵⁴.

В постановлении об отправлении колонии, древнейшим образом которых является декрет ферян, обычно содержатся основные черты социально-политического устройства будущего полиса. Согласно декрету, новый полис должен представлять собой монархию: Батт был назначен царем, а колонисты составляли его окружение. Эти строки (26—27: ἀρχαγέτην... πλέν), безусловно, аутентичны VII в.: они обрисовывают тип государства, близкий удельным басилевиям «Одиссеи», а предназначенная Батту роль архагета созвучна образу гомеровского Навсифоя, устроителя города феаков: «Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный в Схерию, вдаль от людей, в труде свою жизнь проводящих. Там он город стенами обвел, построил жилища, Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан»⁵⁵.

Употребленный в надписи термин «архагет» соответствует архаической поре, в то время как V и последующим векам более свойствен термин «ойкист»⁵⁶. Архагеты VIII—VII вв., как в основном и ойкисты более позднего времени, обязательно принадлежали к знатному роду, в чем следует видеть традицию, перешедшую из героической эпохи и корнями своими уходящую в первобытность, когда миграциями племен руководили вожди⁵⁷.

Колонисты, в основном состоявшие из молодежи, именовались спутниками архагета и царя⁵⁸. Сам Батт также был довольно молод⁵⁹.

Согласно декрету, в число колонистов могли быть зачислены только свободные. Это предписание также можно рассматривать как аутентичное VII в. — понятие «свободный человек», неизвестное Гомеру, впервые встречается у Алкея: ἀνδρες ἐλευθέροι ἔστων ἔοντες ἐκ τοκίων, «свободные мужи, происходящие от славных предков»⁶⁰.

⁵³ Herod., IV, 156, 5; 157, 3.

⁵⁴ Herod., IV, 158, 3.

⁵⁵ Od. VI, 7—10, пер. В. Вересаева.

⁵⁶ См. материалы, приведенные LSJ, s. vv. ἀρχηγέτης, οἰκιστής.

⁵⁷ Сами названия племенных вождей указывают на их функции предводителей: ст.слав. «вождь», лит. vadas «вождь», лик. χῆτα-wata «предводитель», др.верх.нем. heizogo «ведущий отряд», «герцог». Древнегреческое ἀρχηγέτης в семантическом плане претерпело эволюцию от «вождя племени» до «предводителя колонистов», сохранив оба значения в историческую эпоху.

⁵⁸ Молодежь принимала широкое участие в колонизационном движении; так, по сообщению Юстина (XVIII, 4, 2), Утика была основана присланной из Тира молодежью. Гринн говорит Пифии, что он уже стар и не может отправиться в колонию, указывая при этом на молодого Батта (Herod., IV, 150, 3).

⁵⁹ Он царствовал около 40 лет; следовательно, при отправлении в колонию ему было примерно 20—30 лет.

⁶⁰ E. Diehl, Supplementum lyricum, Bonn, 1917, фр. 25. 11—12.

Свидетельство декрета об обязательном свободном состоянии колонистов (сткк. 29—30) чрезвычайно важно. Оно помогает вскрыть механизм образования социальной стратификации населения в колонии. Согласно распространенной практике, первые колонисты и их потомки обладали полными гражданскими правами и владели лучшими землями полиса. Переселенцы, прибывавшие впоследствии, получали неполные гражданские права (они не имели доступа к магистратурам) и наделялись участками из незанятой земли. Поскольку это распространенное явление засвидетельствовано на Фере⁶¹, можно предполагать, что оно имело место и при основании Кирены. Действительно, события дальнейшей истории этой колонии подтверждают это предположение.

Геродот сообщает, что в течение более 50 лет, прошедших со времени основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» с Феры (IV, 159, 4). При третьем царе, Батте Счастливом, в Кирену хлынул поток переселенцев из всей Эллады, после чего последовала вспышка гражданских междоусобиц. Эти раздоры в конце концов завершились тем, что по повелению оракула киреняне пригласили к себе умиротворителя из аркадской Мантиней. Демонакт, исследовав причины неурядиц, разделил население Кирены на три филы: фэрян и перизков — в одну, целопошнесцев и критян — в другую, а всех остальных островитян — в третью⁶². Это мероприятие Демонакта было наиболее существенным актом государственного строительства: разрозненные до того группы переселенцев из разных уголков Эллады были объединены в триединую племенную систему⁶³. При этом обращает на себя внимание тот факт, что фэряне были выделены в особую филу. Общая консолидация киренского населения при сохранении формальной обособленности фэрян указывает на то, что смысл борьбы, происходившей в Кирене, заключался в стремлении массы дополнительных переселенцев обрести одинаковые с потомками первых колонистов гражданские права, на что прямо указывает и Аристотель (Pol. V, 2, 9, 10—1319 b 6 слл.). В конце концов они достигли своей цели: все политические прерогативы были переданы народному собранию⁶⁴. Следовательно, фактическая ликвидация монархии по всей видимости сопровождалась отменой преимущественных прав потомков первых колонистов.

Означает ли свидетельство декрета фэрян о наборе колонистов из числа свободных, что остальное население не принимало участия в колонизации Кирены? По-видимому, нет, поскольку этот небольшой остров (81 км²) был перенаселен, а несвободные, как указывалось, составляли значительную часть его населения⁶⁵. Переселенцы из этой массы несвободных, на мой взгляд, и составили сословие перизков, которых Демонакт объединил в одну филу с фэрянами⁶⁶. Очевидно, что распределение киренян по филам

⁶¹ См. прим. 45.

⁶² Herod., IV, 161, 3.

⁶³ Ср. Arist., Pol. V, 2, 10—1303 a 25 слл.: разноплеменность населения вызывает раздоры в среде граждан до тех пор, пока не будет устроено согласное бытие.

⁶⁴ Herod., IV, 161, 3.

⁶⁵ Arist., Pol. IV, 3, 8—1290 b 14 (см. прим. 52).

⁶⁶ Бузольг, Ларсен, Джоунз, Шафер считали перизков туземным зависимым населением (литературу см. Ch a m o u x, ук. соч., стр. 221). Это мнение основано на том, что в другом месте Геродот прямо говорит о ливийцах — перизках (IV, 159, 4). Однако, как мне представляется, этот термин употреблен Геродотом в обоих случаях в различном смысле. В одном случае (IV, 159, 4), говоря об обидах, чинимых греками окрестному туземному населению, Геродот употребляет слово *περίσχοι* (при Λίβυας) в его обычном значении — «живущие вокруг» ливийцы. В другом же случае (IV, 161, 3) *περίσχοι* следует рассматривать как *terminus technicus*, поскольку речь идет о государственных учреждениях, введенных Демонактом. Именно из этого вытекает специальное значение этого термина: перизки как социальный слой эллинского населения

осуществлялось в соответствии с территориальным принципом. Поэтому, если бы перизки были переселенцами из различных частей Эллады, то Демонакт распределил бы их по второй или третьей филам. Следовательно, сам факт объединения перизков в одну филу с ферянами указывает на их ферское происхождение.

Таким образом, население, принимавшее участие в колонизации Кирены, разделялось на три категории: свободные первые переселенцы, свободные дополнительные колонисты и всякого рода несвободные переселенцы. Эти категории колонистов составили соответственно три сословия в киренском обществе: полноправных свободных, неполноправных свободных граждан и, наконец, зависимых перизков. Социальная стратификация колонии обычно повторяла общественное устройство своей метрополии, однако процесс формирования общества в ней имел свои особенности. Так, уходя в колонию, свободные неполноправные и несвободные сохраняли свое политическое состояние, но более прочная экономическая база на новом месте жительства, побуждая их к политической борьбе, могла способствовать изменению их социального статуса. В целом социальная динамика в колониях отличалась большей активностью, нежели в их метрополиях, что и было одним из факторов их быстрого подъема.

Наконец, в связи с вопросом о составе переселенческой массы следует затронуть еще один момент. Согласно декрету ферян, колонисты отправлялись в Кирену «на равных и одинаковых основаниях» (сткк. 27—28). Вопрос об аутентичности этой формулы VII в. сложен. Она зафиксирована лишь с середины V в., но в памятнике, отражающем архаическую традицию (гортинские законы)⁶⁷. Таким образом, идея равенства колонистов между собой в общем может восходить к подлиннику VII в.⁶⁸ Эта идея могла перейти в общество VII в. из героической эпохи, преломившись сквозь призму полисной идеологии; ср. гомеровское *ισόμερον καὶ ἐμῆ περσομένον αἴση*, «равного с ним и в правах и судьбой одаренного равной»⁶⁹. Раздел имущества производился при помощи жребия, что также указывает на существование в архаическую эпоху идеи равенства, генетически связанной с первобытными представлениями.

Подводя итоги, отмечу, что проведенный во втором разделе данной статьи текстуальный анализ «Клятвы основателей» позволил определить сткк. 25—30 и 37—40 как текст, аутентичный со стороны формы документу VII в. Исторический анализ, проведенный в третьем разделе, показал аутентичность текста сткк. 25—30 документу VII в. также и со стороны содержания⁷⁰. Поскольку аутентичность и формы и содержания очевидна, указанные строки «Клятвы основателей» определенно могут рассматриваться как слегка трансформированный текст подлинного декрета VII в., принятого ферянами в связи с отправлением колонии в Ливию.

Кирены. Шаму справедливо подверг критике точку зрения вышеупомянутых исследователей, указав, что широкое включение туземного населения в состав греческого полиса само по себе является «невероятным фактом» (ук. соч., стр. 222). Кроме того, известные нам перизки Спарты, Элиды, Арголиты, Фессалии, Крита определенно были греками. Ввиду этого Шаму пришел к выводу о том, что и в Кирене перизки были эллиническим зависимым населением хоры.

⁶⁷ R. F. W i l l e t t s, *The Law Code of Gortyn*, В., 1967, стр. 8. В связи с колонистами эту формулу приводит Фукидид (I, 27, 1, 145).

⁶⁸ Ср. соображения Грэйма (ук. соч., стр. 108).]

⁶⁹ II, XV, 208—209. Ср. также Od. XI, 304. Об идее равенства в гомеровском эпосе см. В. В о г е с к ý, *Survivals of some Tribal Ideas in Classical Greek*, Prague, 1965, стр. 14, 22 слл.

⁷⁰ Сткк. 37—40, развивающие содержание сткк. 25—30, включают репрессивную формулу, известную эпиграфическим документам VI в.; ср., например, следующую ниже надпись, сткк. 11—12.

II. РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ И ПРИЕМ ЭПОЙКОВ ЛОКРИДСКИМ ПОЛИСОМ ПО ДАННЫМ «ТАБЛИЦЫ ПАППАДАКИСА»

Эта надпись была опубликована Н. Паппадакисом в 1924 г. и сразу привлекла к себе внимание эпиграфистов, историков и лингвистов⁷¹. У. Виламовиц, внося свои эмендации в текст, дал соответствующий перевод, исследовал шрифт, орфографию и диалект надписи, сопроводив ее кратким лексическим комментарием⁷². Он отметил, что дошедшая до нас бронзовая пластинка содержит лишь часть закона о приеме поселенцев и разделе пастбищ. По его мнению, текст С нельзя вставлять в разору стк. 6 надписи, как это делал Паппадакис. В том же году был опубликован текст, перевод и краткий комментарий С. Я. Лурье к лексике надписи⁷³. Л. Джеффри датировала надпись последней четвертью VI в. и высказала предположение о связи этого документа с известным декретом опунтян об эпойках, отправленных в Навпакт⁷⁴. Текст надписи с краткими, но содержательными комментариями был помещен в ряде эпиграфических сборников⁷⁵. В ряде других сочинений рассматривался вопрос о локализации надписи (см. ниже, прим. 116). Подробному историческому анализу содержание надписи было подвергнуто лишь в последнее время в работах К. Ватэна и Д. Ашери⁷⁶. По мнению Ватэна, сохранившаяся надпись содержит второй закон, регулирующий последствия раздела земли и две поправки к первому, не дошедшему до нас закону о формах раздела земель. Автор следующим образом реконструирует ход событий, связанных с выработкой сохранившегося декрета. Сначала был принят закон о разделе земли, однако городу угрожала опасность и в число граждан была принята группа боеспособных колонистов, с поселением которых население города удвоилось. В связи с этим формы раздела земель были изменены в двух поправках. (Следует отметить, что Ватэн, как и ряд других авторов, излишне широко пользуется презумпцией о том, что всякие мероприятия полиса должны сопровождаться выработкой соответствующих законодательных актов.) Поскольку текст дошедшего до нас декрета является достаточно цельным документом, предположение Ватэна о существовании трех законов, не подкрепленное существенными соображениями, представляется довольно произвольным, так же как и усмотренная им связь между этим декретом и италийскими локрами. Интересен лексический анализ надписи, проведенный Ватэном; ряд его соображений продвинул вперед интерпретацию текста. Большое внимание он уделил также диалекту надписи, который, по его мнению, носит искусственный характер. Суждения автора по этому поводу открывают новый аспект изучения памятника.

Глубокие, подчас исчерпывающие соображения содержатся в обстоятельной работе Д. Ашери, который пришел к следующим выводам. В начале V в. один из полисов западной Локриды предпринял раздел участков, образованных в четырех округах общественной земли. В связи

⁷¹ N. Παππαδάκης, *Λοκρικός θρασμός*, *Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς*, 1924, стр. 119 сл. (номер вышел в 1926 г.). Полный свод библиографии см. IG, IX, pars I, fasc. 3 (ed. G. Klaffenbach), В., 1968, стр. 2.

⁷² U. Wilamowitz, *Ein Siedelungsgesetz aus West-Lokris*, *Sb. Ak. Berlin*, 1927, стр. 7—17.

⁷³ S. Luria, *Zum neugefundenen lokrischen Gesetz*, *ДАН*, 1927, стр. 216—218.

⁷⁴ L. Jeffery, *The Local Scripts of Archaic Greece*, *Oxf.*, 1961 (далее — LSAG), стр. 105—106.

⁷⁵ C. D. Buck, *The Greek Dialects*, *Chicago*, 1968, стр. 255—257; Klaffenbach, *ук. соч.*, стр. 2—4; Meiggs, Lewis, *ук. соч.*, стр. 22—25.

⁷⁶ C. Vatén, *Le bronze Pappadakis, étude d'une loi coloniale*, *BCH*, 87, 1963, стр. 1—19; D. Asheri, *Distribuzione di terre e legislazione agraria nella Locride Occidentale*, *JJP*, 1965, стр. 313—328.

с этим был издан аграрный закон, согласно которому граждане, уже владевшие «первоначальными наделами» на центральной равнине, получали также право выпаса на общественных лугах. Участки этих лугов и право выпаса на них должны были регулироваться действенным наследственным правом, обеспечивавшим их неотчуждаемость и прямое наследование от отца к сыну. Кроме того, поддерживалась инициатива частных лиц по культивации пастбищ. Проведенное распределение было признано окончательным и подлежало изменению только в случае приема эпойков. Специальное добавление к закону определяло основные правила возможного перераспределения округов, предусмотренных законом, и в первую очередь утверждалось деление пополам участков, образуемых в этих округах. Автор отмечает, что, согласно закону, право выпаса становилось привилегией, связанной с владением наследственным участком, и указывает на антидемократический характер этой меры, лишившей остальных жителей города права пользования пастбищами (см. прим. 104). Расходясь с Ашерри в ряде отдельных моментов, должен отметить, что многие его выводы, основанные на тщательном анализе текста, служат надежной базой для дальнейших исследований памятника.

Точное место находки надписи не вполне ясно: по одним сведениям она была найдена в районе Навпакта, по другим — в этолийском местечке Псориани (ныне находится в Афинском Национальном музее). Время составления документа может быть отнесено приблизительно к 525—500 гг.⁷⁷ Надпись вырезана на обеих сторонах бронзовой пластинки, в трех углах которой имеются круглые отверстия. Шрифт западнолокридский⁷⁸, бустрофедон. На оборотной стороне пластинки содержатся три различных текста: продолжение текста лицевой стороны, предписание в отношении демиургов (текст В) и отрывочная фраза неизвестной принадлежности (текст С). Текст надписи приводится по сборнику Мейггза и Льюиса (№ 13), за исключением сткк. 2, 6, 15, 16⁷⁹; текст В, не относящийся к трактуемой теме, опущен.

- Α τῶν ὄντων ὅδε περὶ τῆς γᾶς βεβαίως ἔστω κατὰ τὸν —
 ἀνδραϊσμὸν πλακῆς ὀλίγας καὶ λισκαρίας καὶ τὸν α — ←
 ποτόμον καὶ τὸν δαμοσίον ἐπινομία δ' ἔστω γο —
 νεδσιν καὶ παιδί· αἱ δὲ με παῖς εἶε, κόραι· αἱ δὲ με κόρα εἶε,
 5 ἀδελφεοῖ· αἱ δὲ με ἀδελφεοῖς εἶε, ἀγγιστέδαν ἐπινομέσθω κατὰ τὸ
 δίκαιον· αἱ δὲ με, τοὶ ἐπινομοὶ ΟΠ . . ΟΝ, ἡ ὅ τι δὲ καὶ φυτεύσεται,
 ἄσυλος εἴστω· καὶ με πολέμοι ἀναγκαζόμενοι δόξῃαι ἅ —
 νδράσιν περὶ κεικατὸν ἀριστινδαν τῷ πλέθει ἄνδρας δια —
 κατίος μείστον ἀξιωμαῖος ἐπιφοῖκος ἐφάγασθαι, ἥστ —
 10 ις δὲ δακιδμὸν ἐνφέροι εἰ φάρον διαφέροι ἐν πρεῖγαι ἐν πόλι εἰ
 ἂν ἀποκλεσθῆαι εἰ στάσιν ποιεῖσι περὶ γαδικισίας, αὐτὸς με —
 ν φερρέτω καὶ γενεὰ ἄμικτα πάντα, χρῆματα δὲ δαμευόσθων
 καὶ φοικία κατασκαπτέσθω κατὰ τὸν ἀνδρῶνικὸν τετθμ —
 ὄν· ὁ δὲ τετθμὸς ἰαρός ἔστω τῷ Ἀπόλλωνος τῷ Πυθίο καὶ τὸν συν —
 15 [μον ἔμεν τῷ τχ] ἴτα παροζαίνοντι ἐξὸ λειαν αὐτῶι καὶ γενεαὶ καὶ πᾶ —
 ντασιν, τοὶ δ' εὐταβέοντι ἡλίος ἔστω· ἅ δὲ γ[ᾶ τὸ μὲν ἐμισον]

Verso

С κομίζοιεν, ἀξιολόγως ἔστω τὴν αὐτὸ οἰτινὴ χρεῖζοι. →

⁷⁷ LSAG, стр. 105; эту датировку условно приняли Мейггз и Льюис.

⁷⁸ LSAG, стр. 104.

⁷⁹ По поводу стк. 2 см. стр. 61. В стк. 6 ставлю две точки между ΟΠ и ΟΝ, поскольку там есть место для двух букв. В дополненном тексте стк. 16 опускаю δὲ в соответствии с указанием Клаффенбаха (ук. соч., стр. 3). В стк. 15—16 вслед за Клаффенбахом помещаю πάνταςιν, а не παμάταςιν, как у Мейггза и Льюиса.

	vacat
A (продолжение)	
τὸν ὑπαπροσθιδίων ἔστο, τὸ δ' ἕμισον τῶν ἐπιφοίκων ἔσ — →	
το.	vacat ←
	vacat
20 τὰς δὲ κοίλος μίρος διαδόντο· ἀλλὰ γὰρ δὲ βέβαιον — →	
ς ἔστο, ἀλαξέσθω δὲ ἀντὶ τῷ ἀργῷ. ←	

1. Лексический анализ и перевод надписи

Интерпретация текста закона сопряжена с рядом значительных трудностей, поскольку смысловое и синтаксическое значение отдельных его элементов не вполне ясно. В связи с этим переводу надписи предварен комментарий к наиболее затруднительным местам текста.

τεθμός ὅδε. Это выражение может указывать как на последующий текст, так и на предыдущий; в подтверждение последнего Ватэн ссылается на выражение ὅδε τεθμός в стк. 14, где ὅδε «очевидным образом указывает на предшествующее» (ук. соч., стр. 5). Однако здесь лучше читать не ὅδε τεθμός («вышеизложенный закон»), а ὁ δὲ τεθμός («этот закон»), как приняли Мейгтз и Льюис; ср. аналогичное употребление δὲ в качестве союза (после артикля), а не энклитической частицы в синхронных докридских надписях⁸⁰. Выражение τεθμός ὅδε (стк. 1) следует рассматривать как определенно указывающее на последующее содержание закона, а не предшествующее; ср. ὅδ' ὁ τεθμός дельфийских надписей, стоящее в начале ряда законов⁸¹. Отсутствие артикля перед τεθμός в нашей надписи обусловлено постановкой ὅδε после существительного (ср. Ἀθηγαίων ἡοῖδε ἀπεθανον, IG, I², № 943. 2—3, 50—51). Таким образом, выражение τεθμός ὅδε определенно указывает на последующее содержание закона, что со всей очевидностью свидетельствует против предположения Виламовица и поддержавшего его Ашери о том, что данный текст является продолжением основной части закона, вырезанной на другой, ныне утраченной табличке (см. ниже, стр. 65—66).

κατ τῶν ἀνδαιθμών. В данном сочетании κατ с винительным падежом существительного могут выражаться различные оттенки: отношения, причины, способ действия. В других местах надписи κατ с аккузативом выражает способ действия («согласно обычаю» — стк. 5, «в соответствии с законом» — стк. 13). В данном контексте выражение κατ τῶν ἀνδαιθμών может передавать оттенки отношения или способа действия, т. е. его следует переводить «в соответствии с разделом» или «в отношении раздела».

В пандан к термину ἀνδαιθμός стоят также δαιθμός (стр. 10) и γαδαισία (стк. 11, аттич. γῆς δασμός). Заключение Ватэна (стр. 6) о том, что соотношение терминов δαιθμός и ἀνδαιθμός «совершенно ясно: последнее означает новое распределение», представляется излишне оптимистичным: ἀνδαιθμός (аттич. ἀναδασμός) может означать как «перedel», так и просто «раздел»⁸². По одному этому термину, к сожалению, нельзя определить характер проведенной полисом земельной реформы — это мог быть как

⁸⁰ См. В u c k, № 57.24; 58.3.

⁸¹ E. S c h w y z e r, Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora, Hildesheim, 1960, № 323. С 19 (около 400—390 гг.), № 324. 1 (около 380—365 гг.).

⁸² L S J, s. v. ἀναδασμός. A s h e r i, ук. соч., стр. 315. К значению ἀναδαισμα ср. Syll.³, № 141. 11: «пусть власти поклонятся, что ни город, ни хору не подвергнут переделу» (ἀνδαιτων ποι[σασθαι]) и H e r o d., IV, 159, оракул: «Кто в многожеланную Ливию прибудет впоследствии, после раздела земли (γῆς ἀναδαιμενας), тот, говоря, пожалеет об этом».

революционный по своей сущности передел, так и обычное периодическое перераспределение угодий среди членов общины. Поэтому в связи с неясностью точного значения перевожу этот термин нейтральным «раздел»⁸³.

πλακὸς ὄλιαις καὶ λισκαρίας καὶ τῶν ἀποτόμων καὶ τῶν ὀχυροσίων. Интерпретация этого пассажа чрезвычайно затруднена. В частности, о значении слов λισκαρίας и ἀποτόμων можно только догадываться. Пезопулос читал πλακὸς Ὑλίας, Виламовиц — Πλακὸς Ὀλίαις, Ашерри, Мейггз и Льюис — πλακὸς Ὑλίας καὶ Λισκαρίας, Клаффенбах — Πλακὸς Ὑλίας καὶ Λισκαρίας⁸⁴. Ватэн, сближая λισκαρία с λισγάριον «борона» и λιστρον «заступ», высказал предположение о том, что в ὄλιαις и λισκαρίας следует видеть имена, образованные по типу —ιά; в таком случае, заключает он, λισκαρία будет означать «новину», «обработанную целину» в противоположность ὄλια «зарослям» (стр. 7). Эта гипотеза представляется довольно привлекательной. Сближение λισκαρία исследуемой надписи с позднегреческим λισγάριον «мотыга», «лопата», засвидетельствованным в схолиях к Феокриту и у Свида (LSJ. s. v. λισγάριον), с фонетической стороны можно поддержать бытующим в некоторых новогреческих говорах Приазовья словом λισκάρ «лопата»⁸⁵ (при новогреческом димотическом λισγари «грабли», «борона»). Итак, λισκαρία можно принимать как «обработанная, культивированная земля». С другой стороны, ὄλια — это «земля, покрытая зарослями», ср. упоминаемую в декрете филы Антиохиды 303/2 г. в области Оропа «лесистую землю» — ἄρλον («полесье», из ἐπὶ ὄλον)⁸⁶. В Геракλείских таблицах упоминаются аналогичные названия видов земли, зависящие от характерных естественных свойств последней: ἐρρηγείη «обработанная земля», σκίρος «участок, покрытый зарослями», и др.⁸⁷ Таким образом, в локридском полисе, издавшем исследуемый закон, надо полагать, различались такие виды земли, как ὄλια, λισκαρία и, вероятно, κοίλα (ср. стк. 20 и Ag. Nub. 325). Если эти слова рассматривать как топонимы, очевидно, что они все же отражают реальные свойства обозначаемых ими земель (ср. LSJ, s. v. κοίλος, I. 2).

В сткк. 2—3 упоминаются ἀπότομα и ὀχυροσία, значение которых не вполне ясно. Δχυροσία — это общественные земли, которые состояли из тенов и, возможно, как и в Аттике, включали в себя пастбищные угодья⁸⁸.

⁸³ Заслуживает внимания еще один семантический аспект этого термина. Содержащееся в рассказе Геродота о Кирене выражение γῆς ἀναδάσμος, как следует из контекста, специфическим образом означает «наделение земельными участками прибывающих впоследствии колонистов», т. е. в сущности таких же эпойков, о которых идет речь в исследуемой надписи. Ср. IV, 159: «Посредством оракула Пифия побудила всяких эллинов отплывать для того, чтобы вместе с киренянами заселять Ливию, поскольку киреняне приглашали (колонистов), обещая наделить их земельными участками» (ἐπικαλεῖοντο γὰρ οἱ Κυρηναῖοι ἐπὶ γῆς ἀναδάσμῳ). Также IV, 163: Аркесилай, собирая войско для возвращения в Кирену, «побуждал всяких людей, обещая наделить их земельными участками» (ἐπὶ γῆς ἀναδάσμῳ).

⁸⁴ См. Meiggs, Lewis, ук. соч., стр. 23—24; Klaffenbach, ук. соч., стр. 3.

⁸⁵ Например, в говоре села Македоновка (ныне Октябрьское Володарского р-на Донецкой обл.). У греков Приазовья еще полвека назад лискар был непременным атрибутом ежегодно проводившегося среди членов крестьянской общины передела земельных участков (μοιράζιμα). Общинная земля была расположена в окрестностях села, земли же богатых собственников, не входивших в общину, были расположены дальше, причем по своим качествам частновладельческие угодья далеко превосходили общинные земли. Каждый из общинников имел несколько участков в различных зонах, на которые делилась общественная земля в зависимости от естественных качеств почвы. Наделение общинников землей проводилось по кварталам, в порядке расположения домов на улице. Общинник, получивший свой надел, забивал в углы колышек, который обкапывался с обеих сторон при помощи лискара.

⁸⁶ SEG, III, 117. 15; ὄλη — это «подлесок», «кустарник», LSJ, s. v. ὄλη.

⁸⁷ Виск, № 79. 1,36—37 и др.

⁸⁸ Ср. В. Н. Андреев, Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э., ВДИ, 1967, № 2, стр. 54, 60.

Слово *ἀπότομα* Виламовиц переводил как «склоны» (*der Abhänge*)⁸⁹, Бак — «части, отрезанные (от общественного домена)»⁹⁰, Паппадакис и вслед за ним Ашерри — «завоеванные районы»⁹¹. Все эти предположения мало аргументированы, и, на мой взгляд, наименее пасильственной является этимологическая интерпретация Бака. Характер этих участков может быть определен весьма приблизительно. По мнению Мейгза и Льюиса, в них следует видеть священные участки — темены⁹². (Замечу, однако, что термин *δαμόσια* может включать в себя понятие темены, ср. с одной стороны, Ps.-Arist., Оес. В II.3—1346 b 14: византийцы, нуждаясь в деньгах, τὰ τεμένη τὰ δημόσια ἀπέδοτο⁹³, и с другой — Herod., V, 29, где τὰ δημόσια обозначает общественные земли, т. е. в том числе и темены).

На мой взгляд, в *ἀπότομα*, следует видеть понятие, противоположное *δαμόσια*, т. е. частновладельческие участки, отрезанные от общественных угодий (ср. аналогичный по образованию русский термин «отруба»). Глагол *τέμνειν* (с различными префиксами) широко употребляется в источниках в связи с парцелляцией земельных угодий⁹⁴. В частности, в медиальной форме *ἀποτέμνεσθαι* он употребляется для обозначения экспроприации земельных угодий одной общиной у другой⁹⁵ или царем у других народов⁹⁶. Он же употреблен в аргосском декрете о Кноссе и Тилиссе в связи с индивидуальной, частновладельческой экспроприацией земли: «жителю Кноссы возбраняется приобретать собственность в Тилиссе, однако жителю Тилисса (можно делать это) в Кноссе, если он пожелает. Нельзя также ни отрезать полосы от (какого-либо) участка (*μηδὲ γύρας ἀποτέμνεσθαι*), ни экспроприровать его целиком»⁹⁷. Таким образом, *ἀπότομα* можно рассматривать как индивидуальные участки⁹⁸, которые полис выделил своим гражданам из общественного фонда — *δαμόσια*, причем последние, видимо, представляли собой в основном невозделанные угодья, в то время как *ἀπότομα* — культивированные (см. ниже). Такая интерпретация согласуется с фактом раздела земель, о котором идет речь в надписи.

Как бы ни решался вопрос о характере земель, перечисленных в сткк. 2—3 закона, думается, что они не составляли четыре различных сельскохозяйственных округа (*distrette*), как полагал Ашерри⁹⁹. Мне представляется, что эти земли перечислены попарно: сначала в зависимости от своих естественных свойств (или в качестве топонимов, что дела не меняет), т. е. как «лесистая» и «культивированная» земля, а затем они же упомянуты по признаку собственности как «частная (отруба)» и «общественная земля». Мне думается, что в пространственном отношении это был один массив, одна равнина, частью культивированная и частью покрытая подлеском, которая была поделена на частновладельческие и общественные угодья. В целом сткк. 1—3, на мой взгляд, следует понимать таким образом:

⁸⁹ Wilamowitz, ук. соч., стр. 8.

⁹⁰ Bueck, ук. соч., стр. 256.

⁹¹ Asheri, ук. соч., стр. 314.

⁹² Meiggs, Lewis, ук. соч., стр. 25.

⁹³ Далее Аристотель замечает, что среди них были плодородные и неплодородные участки (*καρπία, ἀκαρπία*).

⁹⁴ Например, II, VI, 194; IX, 580; в Гераклейских таблицах, I, 11—13: «Мы измерили, начиная от мжевой тропы (*ἀπὸ τῆς αὐτῆς*), которая... отделяет (*τῶ ἐπαταμνοῦσς*) священные земли от частновладельческих участков...».

⁹⁵ Herod., I, 82; IV, 3; Dem., XIII, 32; Schwyzer, № 186, 8.

⁹⁶ Isocr., V, 122; Theocr., XVII, 86.

⁹⁷ Bueck, № 85. 23—26.

⁹⁸ Так полагает и Клаффенбах (ук. соч., стр. 3).

⁹⁹ Asheri, ук. соч., стр. 315; по его мнению, этими четырьмя округами являются две равнины (*παλιὰς Ὑλίας καὶ Λισκαρίας*), засеянные земли (*ἀπότομα*) и общественный домен (*δαμόσια*).

«Следующий закон о земле пусть имеет силу в соответствии с разделом подлеска и обработанных земель равнины¹⁰⁰, как индивидуальных отрубов, так и общественных угодий».

ἐπινοία. Обычное значение этого термина — «право выпаса», которое представлено в многочисленных эпиграфических документах, относящихся, правда, в основном к III—II вв.¹⁰¹ С таким значением как будто согласовывается факт поощрения культивации невозделанных земель (сткк. 6—7), а также определенно целинный (пастбищный?) характер ὀλία. Однако из надписи определенно явствует, что разделу подверглись обе упомянутые в ней категории земли — и подлесок и культивированная земля, которые составляли общественный и частный земельный фонды полиса. Раздел же пастбищ на индивидуальные участки — беспрецедентный факт, практически вряд ли осуществимый. Ввиду этого представляется плодотворной попытка Ватэна¹⁰² видеть в термине ἐπινοία эквивалент слова κληρονομία, что подтверждается равнозначностью слов ἐπινομος и κληρονομος, относящейся, правда, ко времени не ранее III—II вв. до н. э.¹⁰³ Более важным, нежели аналогии, указанием на то, что в данной надписи под эпитимией подразумевается «право наследования», являются однокоренные термины ἐπινομισθῆναι и ἐπινομος (сткк. 5—6), определенно имеющие значение «наследовать» и «наследник». Точка зрения Ватэна в настоящее время получила признание в среде исследователей¹⁰⁴.

γονεῖσιν καὶ παιδί... В этой фразе речь идет о принадлежности права наследования, причем под γονεῖς подразумеваются «главы семьи»¹⁰⁵. В γονεῖς, как мне представляется, следует видеть не специфическое значение, а обычное — «родители», поскольку право выпаса могло принадлежать и матери. Таким образом, сткк. 3—6 переводятся следующим образом: «Пусть право наследования принадлежит родителям и сыну; если же не будет сына — дочери; если не будет дочери — брату (родителя или родительницы, ср. декрет об эпойках в Навпакте, Schwyzer, № 362. 16, 29—31); если не будет брата, пусть наследует ближайший родственник согласно обычаю. Если же (и такового) не окажется, то наследнику...».

Установленный здесь порядок наследования близок другим архаическим системам наследования, особенно показательна в этом отношении правоспособность женщины как наследницы, что зафиксировано в законодательстве Спарты, Крита и Аркадии. Критская гортинская система наследования отдает преимущество прямым потомкам в третьем колене перед ближайшими родственниками. В целом в гортинском законодательстве различается следующая последовательность наследственных групп: 1) родители, дети, внуки; 2) братья (умершего), племянники, дети племянников; 3) сестры (умершего), их дети, их внуки; 4) в случае отсутствия перечисленных лиц наследство переходит к тем, кому надлежит наследовать

¹⁰⁰ πλάτος ὀλίᾶς καὶ λισχαρίας.

¹⁰¹ К IV в. принадлежат свидетельства Ксенофонта (Суг. III, 2, 23) и, может быть, проксении из Талампа (S c h w y z e r, № 53. 7). Остальные параллели см. по индексу в сборнике Шенцера (s. v. ἐπινοία). В Локриде эпитимия засвидетельствована еще раз в проксении II в.; K l a f f e n b a c h, ук. соч., № 750. 31. См. также А. В. Никитский, Исследования в области греческих надписей, Юрьев, 1904, стр. 58.

¹⁰² V a t i n, ук. соч., стр. 7—9.

¹⁰³ LSJ, s. v. ἐπινομος, III.

¹⁰⁴ Д. Ашери, ранее полагавший, что эпитимия здесь означает «право выпаса» (см. выше, стр. 59), после ряда устных дискуссий с Ватэном, Лепором и другими коллегами, отказался от своего прежнего взгляда и теперь также склоняется к мысли об эпитимии как о «праве наследования» (письмо к автору от 8.I. 1972 г.).

¹⁰⁵ В u s k, ук. соч., стр. 256; A s h e r i, ук. соч., стр. 317 и др. В этих работах говорится о «праве выпаса».

его в соответствии с происхождением имущества (этот пункт не вполне ясен) и далее — к членам войкии, составляющим клер ¹⁰⁶.

Аркадская система наследования более компактна и менее детализована; она стоит ближе к локридской: имущество переходит от отца к родным сыновьям, далее — к родным дочерям; в случае отсутствия таковых оно может перейти к незаконнорожденному потомству и далее — к близким родственникам ¹⁰⁷.

ΟΠ . . ΟΝ. Значение этих букв совершенно неясно ¹⁰⁸. Клаффенбах отмечает, что текст между словами ἀδελφῶν и ἢ τοι (сткк. 5—6) находится в разуре ¹⁰⁹. Эти буквы меньше по размерам, они как бы втиснуты между сткк. 4—5 и 6—7. Как полагает Клаффенбах, состояние этого текста, вероятно, указывает на то, что резчик, заметив свою ошибку и видя, что должный текст не уместится в оставшемся месте, перенес его остаток на оборотную сторону. Таким образом, этот авторитетный исследователь высказался в поддержку мнения Паппадакиса и Джеффри, согласно которым текст С должен быть помещен в разуре, т. е. αὶ δὲ μὲ τοῖ ἐπίνομοι κομίζουσι, ἀξιοδοτάς ἔστω τὰν ἀπὸ βίτηνι χρῆσις, «Если же наследники не объявятся (?), то пусть право наследования по достоинству будет дано тому, кто пожелает». Эта гипотеза довольно привлекательна, тем более что оптативные формы текста С имеют аналогию в основном тексте закона (сткк. 10—11). Однако ἀξιοδοτάς текста С не показывает неукоснительно соблюдаемого в основном тексте закона удвоения κσι (сткк. 7, 9, 15), поэтому в целом вопрос остается открытым.

τοῖ πλεῖθσι. Как указал Ватэн, это выражение можно понимать не только как «большинством голосов», но и как «числом», причем в последнем случае остается неясным, к кому относится это слово — к совету ¹⁰¹ или к колонистам ¹¹⁰. Эти соображения, аргументированные эпиграфическим материалом, были учтены мною при переводе, причем τοῖ πλεῖθσι отнесено к совету ¹⁰¹, что дает более связный текст.

τὰς δὲ κοῖλος μόρος. Словом μόροι в Миглене обозначались земельные участки ¹¹¹. По Гесихию, это синоним слова κληρος ¹¹². Как можно заключить из одной эпиграфической параллели, κοῖλοι μόροι — это лощинные, а не долинные участки ¹¹³. В целом очевидно, что сткк. 20—21 были добавлены не в качестве дополнения к закону, а во исполнение одного из его пунктов (сткк. 7—9).

ἀλλαγή. Под этим термином имеется в виду обмен, т. е. продажа участков ¹¹⁴, что свидетельствует о невысоком качестве лощинных угодий. Ввиду этого предположение Паппадакиса и Аперри о том, что с помощью колонистов были завоеваны и разделены новые территории ¹¹⁵, представляется вряд ли вероятным.

Перевод: «Следующий закон о земле пусть имеет силу в соответствии с разделом подлеска и обработанных земель равнины, как индивидуальных отрубов, так и общественных угодий. Пусть право наследования принадлежит родителям и сыну; если же не будет сына — дочери; если

¹⁰⁶ В у с к, № 117, V. 9—28.

¹⁰⁷ S c h w y z e r, № 57 В, Тегей, V в.

¹⁰⁸ Предлагавшиеся варианты чтений и дополнений приведены в сборнике Мейггза и Льюнса (стр. 23) и у Клаффенбаха (стр. 3—4).

¹⁰⁹ K l a f f e n b a c h, ук. соч., стр. 3.

¹¹⁰ V a t i n, ук. соч., стр. 11.

¹¹¹ S c h w y z e r, № 621 В; III в.

¹¹² Lexicon, s. v. μόροι.

¹¹³ Ср. S c h w y z e r, № 664. 28: если бы κοῖλα были долинами, то граница между полисами была бы обозначена более точно. Ср. T h e o p h r., Hist. plant. III, 3, 2.

¹¹⁴ L S J, s. v. ἀλλαγή, II, 1.

¹¹⁵ A s h e r i, ук. соч., стр. 316.

не будет дочери — брату (родителя или родительницы); если не будет брата, пусть наследует ближайший родственник согласно обычаю. Если же (и такового) не окажется, то наследнику ..., что кто ни высадит для себя, пусть будет неприкосновенен. За исключением случая, когда в силу обстоятельств военного положения (совет, избранный) соответственно знатности в числе ста одного человека, решит ввести по крайней мере двести боеспособных эпойков, всякий, кто станет предлагать раздел земли или голосовать за это либо в совете старейшин, либо в народном собрании, либо в совете апоклетов, или будет поднимать распрю в целях проведения раздела земли, пусть будет изгнан и сам и род его навеки, имущество конфисковано, а дом срыт до основания, как и по закону о человекоубийстве. Этот закон пусть будет под покровительством Аполлона Пикийского и сохранных богов. На преступающего эти установления пусть падет погибель, — на его самого, на род и все достояние, к чуждому же их пусть (Аполлон) будет благосклонен. Пусть земля наполовину (Оборот)

принадлежит старому населению города и наполовину — эпойкам.

Пусть распределят лощинные участки. Продажа пусть будет в силе, продавать, однако, в присутствии магистрата».

2. Принятие полисом эпойков и раздел земли

Название города, принявшего этот закон о земле, нам неизвестно; вероятно, это был Навпакт или какой-нибудь другой полис Локриды¹¹⁶. Согласно данным надписи, в городе функционировали народное собрание, совет старейшин и совет апоклетов (сткк. 10—11); из магистратов упоминаются демиурги и архос (стк. 21 и текст В). Полис имел довольно развитое, хотя и стоящее еще на архаической ступени, законодательство, о чем можно судить не только по его наследственному праву (сткк. 3—6), но и по уголовному, вышедшему за пределы примитивного обычного права (сткк. 11—14). Полис, по всей видимости, имел аристократическое устройство, подтверждение чему можно видеть прежде всего в выборе совета 101 из числа местной знати (стк. 8). Моральный аспект, который видели в выражении *ἀρετῶν* Эмар и Лера¹¹⁷ вряд ли уместен в данном контексте (ср. декрет об эпойках в Навпакте, стк. 35); вместе с тем совет 101 может соответствовать союзу выборных граждан в Опунте и Навпакте, исполняющей временные функции (там же, стк. 13).

В один из моментов своей истории полис издал закон о земле. Как уже упоминалось, по мнению Виламовица, исследуемая надпись содержит лишь заключительную часть этого закона, основной текст которого был вырезан на другой, примыкавшей, но утерянной ныне бронзовой табличке¹¹⁸. Эту точку зрения развил Ашер, который считал, что дошедший до нас текст открывается заключительной фразой основного содержания декрета, за которой следуют две второстепенные клаузулы (сткк. 3—7), составляющие переход к статье об утверждении закона (сткк. 7—16)¹¹⁹.

¹¹⁶ Упоминание в надписи храма Аполлона (стк. 14) может указывать на ее связь с Навпактом, где находился Аполлонийон (Th u s., III, 91, 1). Другим вероятным местом происхождения может быть Гиля, один из городов Западной Локриды, упоминаемый Гесихием, см. В u s k, ук. соч., стр. 256. Остальные локализации менее вероятны (Псоррани в Этолии, неподалеку от западнолокридской границы, L. L e r a t, Les Locriens de l'Ouest, т. 2, Р., 1952, стр. 10. Полис, город, расположенный к востоку от Амфиссы, C h a t z e s, Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς, 1927—1928, стр. 181 сл., излагаю по LSAG, стр. 105). Предположение Ватана о связи надписи с итальяскими локрами (ук. соч., стр. 18—19) представляется довольно фантастичным.

¹¹⁷ L e r a t, ук. соч., т. 2, стр. 123—124. Лера вообще отрицает наличие олигархического устройства в локридских городах.

¹¹⁸ W i l a m o w i t z, ук. соч., стр. 9, 11.

¹¹⁹ A s h e r i, ук. соч., стр. 314 сл.

По мнению Ватэна, было издано три закона: один из них, не сохранившийся, регулировал формы раздела земель; второй, дошедший до нас (сткк. 1—16), регулировал последствия проведенного раздела земли; третий представляет собой поправки (сткк. 16—21) к первому закону, которые изменяли формы раздела земли¹²⁰.

На мой взгляд, эти гипотезы излишне усложняют вопрос о характере документа. Выражение *τεφιλός ὄδῃ*, как было показано выше (стр. 60), определенно имеет в виду последующий текст закона. Этот закон не обязательно должен содержать подробности проведенного раздела земли, отсутствие которых привело Виламовица к указанному заключению. Его цель состоит в ином — в закреплении проведенного раздела земли. Закон включает ряд статей, содержание которых сводится к следующему: 1) утверждается действительность проведенного раздела земли (преамбула, сткк. 1—3); 2) результаты раздела закрепляются на будущее время посредством устанавливаемой системы наследования участков (сткк. 3—6); 3) поощряется культивация мертвой земли (сткк. 6—7); 4) устанавливается нерушимость проведенного раздела земли, причем предусматривается случай, при котором вопрос о нем может быть поставлен вновь (сткк. 7—14); 5) закон освящается авторитетом Аполлона Пифийского, являющегося блюстителем незыблемости данных предписаний (сткк. 14—16).

Перечисленные статьи достаточно ясно показывают разнообразие, целенаправленность и логическую последовательность содержания закона, определенно свидетельствующие о его цельности как документа. Однако содержание закона указанными статьями не исчерпывается: предписание о разделе земли поровну между колонистами и исконным населением города (сткк. 16, 18), как мне представляется, также принадлежит к основному содержанию закона, поскольку оно непосредственно продолжает его текст в стк. 16¹²¹.

На мой взгляд, ход и смысл событий, связанных с изданием закона о земле, заключается в следующем. В один из моментов своей истории полис в силу каких-то обстоятельств провел раздел земли, который был закреплен дошедшим до нас законом. Проведенный раздел, характер которого неясен, был объявлен нерушимым, однако оговаривалось, что он может быть проведен вновь в том случае, если неблагоприятное военное положение заставит полис принять дополнительный контингент эпойков (сткк. 7—14). По прошествии какого-то времени обстоятельства военного положения (ср. сткк. 7, 9) привели к приему эпойков в число граждан полиса. В качестве основания для раздела земли, проведение которого было возможно лишь в этом случае, с изданного ранее закона была снята копия; именно таким образом, мне представляется, может быть объяснен тот факт, что и текст закона, и предписание о наделении вновь прибывших эпойков лощинными участками (сткк. 20—21) сделаны одним и тем же резчиком. Следовательно, исследуемая надпись, видимо, представляет собой копию с изданного ранее закона, которая была снята *ad hoc* по случаю приема эпойков в число граждан города и наделения их землей. Впрочем, эта гипотеза отпадает, если предположить, что издание закона и прием эпойков были проведены на протяжении небольшого отрезка времени (т. е. сткк. 20—21 могли быть добавлены тем же мастером, который вырезал и основной текст).

¹²⁰ V a t i n, ук. соч., стр. 5.

¹²¹ Текст закона не обязательно заключается формулой проклятия, он может продолжаться и вслед за ней; ср., например, тот же декрет об эпойках в Навпакте, сткк. 38 слл. С другой стороны, следует отметить, что сткк. 20—21, не входящие в текст разбираемого закона, соответственным образом начинаются с новой строки.

Смысл проведенного полисом раздела заключался в том, что каждому гражданину выделялся участок (скорее ряд участков) земли, которая представляла собой частью культивированные, частью некультивированные угодья. Пользование этими участками закреплялось на будущее за каждым гражданином посредством наследственного права.

Данные надписи определенно свидетельствуют о том, что принятие эпойков не влекло за собой передел всей хоры полиса, как это предполагал Паппадакис. Лощинные участки, которые разделялись пополам между горожанами и колонистами (сткк. 16, 18—19), могут быть новой территорией, присоединенной при помощи эпойков, но скорее всего в ней следует видеть свободную часть хоры полиса. Интересно отметить, что закон предусматривал в случае ввода эпойков раздел земель, указанных в сткк. 2—3, однако фактически разделу подвергся другой массив земельных угодий. Можно определенно утверждать, что лощинные участки по своим естественным качествам не представляли собой первосортные угодья, в то время как равнинные земли (πλάξ, стк. 2), составлявшие основной фонд сельскохозяйственной хоры полиса, были (согласно общему землеведению) наиболее благоприятными для культивации¹²². Видимо, в связи с этим полис разрешил продавать лощинные участки (сткк. 20—21). Это предписание, очевидно, имеет в виду не столько эпойков, сколько население города, которое помимо лощинных участков имело надель на равнине. В аристократических государствах, каким, по всей видимости, был и наш полис, власти принимали все меры к сохранению «основного» земельного надела¹²³, в то время как остальные, благоприобретенные, участки могли продаваться.

Получение эпойками земельных наделов не из основного земельного фонда полиса показывает, что они рассматривались в качестве «второсортных» граждан, и этот факт имеет многочисленные параллели. Так, в Фуриях эпойки получали надель в дальних районах хоры (Diod., XII, 11, 1). На Черной Керкире они получали меньшие надель из «неподеленной» земли (Syll.³, 141. 9—10). При этом они не имели «основного» надела, вследствие чего доступ к высшим магистратурам был для них закрыт (см. прим. 45). Неравноправность положения эпойков была имманентным, довольно широко распространенным явлением эллинской колонизационной практики, что следует из многих известных нам фактов¹²⁴. Судя по всем данным, положение эпойков, упоминаемых в исследуемой надписи, не было исключением из общего правила.

Эпойки как категория колонистов впервые в греческих источниках упоминаются в этой надписи. Прежде всего обращает на себя внимание бесспорная связь ввода эпойков с состоянием военных дел полиса: необходимым условием принятия в число новых граждан является боеспособность колонистов (стк. 9). Данные надписи свидетельствуют о том, что эпойки главным образом и прежде всего были необходимы полису как военная сила.

Суммируя результаты проведенного в данном разделе анализа, отмечу следующие основные моменты. Присоединяющиеся эпойки получают

¹²² Ср. А. Филиппсон, Средиземноморье, М., 1911, стр. 162. Наглядную разницу между равнинными и лощинными участками в Западной Локриде можно видеть по фотографиям, приложенным к работе Лера: т. 1, табл. 9 (2, 4) ср. с табл. 22 (1),

¹²³ Arist., Pol. VI, 2, 5—1319 а 10 слл.

¹²⁴ Помимо приведенных выше фактов ср. также Arist., Pol. V, 2, 10—1303 а 25 слл. См. Asheri, Supplementi coloniali e condizione giuridica delle terra nel mondo greco, «Rivista storica dell'antichità», 1, 1971, стр. 77 слл.; В. П. Яйленко, Греческая колонизация Средиземноморья в эпиграфических источниках VII—IV вв. до н. э., Автореф. дисс., М., 1972, стр. 29—31.

наделы на второсортных землях полиса, причем половина массива предоставляется в распоряжение старого населения города, которое имеет возможность продавать эти благоприобретенные участки новым гражданам. Смысл проведенного полисом раздела земли и последующего законодательства заключался в закреплении полученных по разделу земельных угодий за определенным числом граждан. Эти земли включали мертвые угодья, и закон поощрял частную инициативу граждан по их культивации. Установленная законом система наследования участков закрепляла результаты раздела земли на будущее. Статус эпойков отличался в ряде существенных пунктов от статуса полноправного исконного гражданства полиса.

Исследуемый декрет предоставляет интересные сведения также по вопросу о характере землевладения в архаической Греции, о праве эфитевсиса и частнособственническом присвоении общинной земли. В этом плане данный декрет будет рассмотрен автором в другой работе, посвященной земельному строю архаической Греции.

GREEK COLONISATION IN ARCHAIC TIMES, FROM EPIRGAPHICAL
SOURCES (THE «STELE OF THE FOUNDERS»
AND THE «PAPPADAKIS PLAQUE»)

by V. P. Yailenko

The study of the Cyrenean Stele of the Founders has three parts. In the first the author finds that ὄρκιον should be understood as «oath»; on the basis of P. M. Fraser's reading and a passage in Herodotus (IV, 153) he suggests a new restoration of lines 29—30. In the second part he takes up the question of how the inscription arrived at its present form. Comparison of the text of the Oath with the account by Herodotus to the founding of Cyrene (IV, 150—56) reveals several lexico-phraseological correspondences between the two documents, from which it follows in the author's opinion that both at certain points drew upon a single narrative source which may have represented the Theraean tradition of the founding. Textual analysis of the Oath convinced the author that it contains two strata differing in date and character. The principal stratum reflects the narrative source just mentioned (lines 24—25, 30—37, 40—51). The author contends that the words καὶ πολιτείας... ἀπολαγχανέν (lines 32—33) could not have occurred in a VII century document (cf. Hdt. IV, 145,4) and suggests that they represent a fabrication by the Theraeans in the VI or first half of the V century inspired by renewed interests in their rich step-daughter Cyrene. The clause on the possible return of the colonists to Thera (lines 33—37) could have been introduced by the Theraeans in order to save face with the Cyreneans, who remembered how, when the colonists had tried to go back home, the Theraeans had driven them away. The other stratum the author believes to be a genuine VII century document: the decree of the Theraeans despatching a colony to Libya (lines 25—30, 37—40), which was later overgrown by apocryphal insertions.

The «document» thus created was passed off as a «Founders' Oath» imposing on the Cyreneans definite obligations vis-à-vis their indigent metropolis. On page 53 the author presents his reconstruction (passing over questions of dialect) of the original VII century Theraean decree. The purpose of the next (third) part of the study was to determine whether the contents of the decree so reconstructed were compatible with actual historical conditions in the arhaic period. The author discusses traditions of the *ver sacrum* type, the concepts «free person», «basileueia», the «equal and identical rights» of the colonists and shows way in which social stratification may have come about among the colony's population. Historical analysis convinced the author of the perfect compatibility of the decree as reconstructed with actual conditions obtaining in the archaic period.

The author's interpretation of the Locrian law on division of the land (inscribed on a bronze plaque published by Pappadakis) is based largely on a lexical analysis. He takes ἀπότομα to be privately owned tracts carved out of the public land. The words ὀλιὰ, λισκαρῖά and ἀπότομα, δαμόσια relate to one land massif, characterised both by its natural properties (the lightly wooded and the arable) and according to type of ownership (private and public). The author follows C. Vatin in taking ἐπινομία in the meaning «right of inheritance». The land-division measure was intended as legal confirmation of private appropriations of public lands. The ἐπιφοιτοὶ were not given the lands assigned to them in the decree (lines 2—3) but received other, poorer land (τὸς κοίλας μέρους, i. e. the hollows), which suggests their inferior status.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ